

Андрей Вичурин

Ник Бот@ник

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Вичурин Ник Ботаник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63787231

SelfPub; 2021

Аннотация

Приквел к "Шесть байт творения". Вы считаете, мир сошел с ума? Я не согласен! По-прежнему поют птицы, идет дождь и плещут волны. Мир не изменился. Вся беда в людях. А точнее, в том, что многие из них давно уже не люди. Какая разница, откуда взялись те сущности, которые захватив тела, уничтожили их личности? Важно ли, откуда они пришли, – из другой галактики или из виртуальной вселенной, как о том спорят мои товарищи? По-моему, важно только то, что они уже многие годы осуществляют незаметный и успешный захват Земли. Что может сделать обычный автослесарь, чтобы защитить свой мир? Ничего? Как говорится, делай, и сделаешь! Пожелайте мне удачи! Содержит нецензурную брань.

Содержание

II	21
III	36
IV	56
V	72
VI	87
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Андрей Вичурин

Ник Ботаник

От автора.

Эта книга – не продолжение цикла "Шесть байт творчества", а всего лишь еще один взгляд постороннего наблюдателя на события до и во время "Исхода". Хотя Вам и встретятся некоторые знакомые персонажи:)

Приятного чтения!

С уважением, А.В.

I

Кампания доминошных завсегдатаев, привычно расположившаяся за столом, отгороженным от двора жидкими зарослями сирени в его конце, наблюдала, как Миша вышел из подъезда и, бормоча что-то себе под нос, направился в нашу сторону. И это была первая странность наступающего вечера. Обычно паренек старался не пересекаться с нами по своей инициативе. Только на его беду, тропинка в ближайший супермаркет была проложена здесь, вдоль гаражей, а по-другому, путаными дорожками между домов – обходить было слишком далеко. Район у нас почти везде перегорожен заборами всяческих организаций.

И если у Миши не получалось незаметно пройти мимо, то – голова в плечи, и на полусогнутых тихонько – легонько, вдоль кустиков, и за гаражи. Лишь бы лишний раз не при-

влекать внимания Кучерявого и остального народа за столиком, где мы изредка с мужиками послеобеденной дреме летних воскресений пивасиком под домино и разговорами покоя не даем.

Сегодня же, он подошел прямо к столу и тихо поздоровался в никуда, вроде, как и не с нами, и встал за спиной Сыча, рассеянно мазнув по узору костяшек домино на столе. Постоял с десяток секунд, озабоченно покрутив головой, будто не понимая, отчего он здесь, и пошел себе спокойно дальше, задумчиво глядя под ноги, пока не скрылся в гаражах, так и не удостоив никого из нас, в том числе и потерявшего дар речи Кучерявого, даже мимолетным взглядом.

Опомнившись, тот прокричал ему вслед нечто обидно – бестолковое. Впрочем, как всегда. Привык он хлюпика пресовать безнаказанно, злость срывая по поводу и без. И ржать радостно, когда тот, сжавшись еще больше, быстро – быстро семенил прочь, подальше от нашей компашки. Однако в этот раз, Миша и не слышал Кучерявого, походу.

Тот сорвался, было, ему вдогонку, – накостылять слегонца по шее обнаглевшему задохлику за такую невнимательность и пренебрежение к уважаемым людям, только Сыч его за руку придержал:

– Куда?! Кости положи на стол, а потом вали куда хочешь! Разогнался он! Ты и в прошлый раз точно так же «лысого» замылил!

– Да не брал я твоего «лысого», Петрович! – возмутился

Кучерявый, тем не менее, возвращаясь к столу и с громким стуком впечатывая пустого «дупля» в столешницу. – Двести лет надо! Из-за какой-то дурацкой доминошки с нормальными мужиками гавкаться! Задумался я просто! Ну, хоть Вы ему скажите, дядя Витя!

Виктор Васильевич, – это еще один, изредка присоединявшийся к нашим доминошным баталиям сосед. Интеллигентного вида, с легким румянцем на щеках, военный отставник, лет слегка под шестьдесят. Где и кем он служил до пенсии, мы не знали. Сыч интересовался как-то пару раз, но тот незаметно, с шутками – прибаутками уводил разговор в сторону.

– Не надо! – подтвердил он, с сожалением скинув кости на стол рубашками вверх, понимая, что игры уже не будет. – Только – только поперло, а вы...

– Брал – не брал... – протянул Сыч, почесав синей от наколок пятерней в затылке, все еще рассматривая камни в ладони и раздумывая, чем в ответку Кучерявому сходить, да не стал, тоже сбросил кости сплюнув на землю. – А «лысого» – то, после твоего ухода почему-то и не стало! Весь набор пришлось новый покупать! А я тебе, дорогой, че? Рокфеллер? Ты же и тогда, в крайний раз, прихватил его с собой и смылся!

– Петрович, ты же сам слышал! Светка орала как потерпевшая! – попытался оправдаться Кучерявый, награжденный именно Сычом прилипшей к нему кличкой, характери-

зующей обрюзгшего молодого парня с точностью до наоборот. Тот на все сто и даже больше, соответствовал названию кости, в присваивании которой его заподозрили. В солнечный день ему удавалось даже зайчиков пускать в окна соседей. Чем он и гордился под настроение.

– Слышь, Кучерявый! А не врут, шо твой пацан в больнице уже почти месяц лежит? – поинтересовался небритый и нечесаный тип в линялой футболке. По крайней мере, я бы именно так его и охарактеризовал, не будь он моим товарищем со школьной скамьи. Правда, мы с ним после школы особо не общались, – так, во дворе по воскресеньям козла забить, и все, – у каждого своя жизнь.

Вообще-то он парень неплохой, просто у него период сейчас такой, сложный. Впрочем, как и всегда.

Начать хотя бы с того, что перевелся он в нашу школу после того как в пятом классе стал сиротой, и его к себе забрала бабушка. Не вредная и улыбчивая, и еще совсем не старая женщина. Что там произошло с его родителями, он никогда не рассказывал, а мы не лезли с расспросами. Не принято это у нас, пацанов. Все, что от тех осталось в наследство Максу – квартира в столице, куда он и подался после школы за лучшей жизнью.

Лет этак через пять, я к тому времени уже неплохим автослесарем числился, он вернулся. С притаившимися в глазах тоской и ненавистью, изредка выплескивавшейся из их карей глубины. Поселился в квартире бабули, умершей с полгода

назад от какой-то сердечно – сосудистой болезни, и не видно его было, и не слышно. Будто прятался от кого-то. Примерно год. Хотя, бывало исчезал куда-то на пару – тройку дней. Я поначалу обиделся, решил, – зазнался товарищ, столичного смога надышавшись, но нет.

Он, с тщательно скрываемой под бравадой безысходностью, поведал мне как-то за случайной рюмкой чая по старой дружбе, что в столице поначалу очень даже неплохо устроился. Пошел в коллекторы, в какую-то контору, крышуемую известным криминальным авторитетом – бабки из должников выколачивать за процент. Очень хороший процент.

И вскоре не жизнь настала для него, а сказка. Квартира своя была, от родителей осталась, трехкомнатная, почти в центре. Машину хорошую купил, в шмотки модные приоделся, и все изменилось: пацаны зауважали, а знакомые девочки-недотроги, вдруг стали ласковыми и безотказными...

Но однажды в один не очень счастливый день, почему-то все пошло наперекосяк. По-видимому, не на той значимости фигуру нарвались ребятишки, вытряхивая бабки с применением стандартных методов принуждения. И понеслось: авторитета, под которым он ходил, взорвали в машине, вместе с семьей. Контору их вымогательскую спалили дотла. А Макс сам едва ноги унес.

И фамилия у него теперь другая, – бывшей жены. Которая, когда неприятности Макса только – только начались, бросила его, и не долго раздумывая уехала в Германию к

своему первому хахалю, – Урму Вайсману. Юрке Белову, если по-нашему. Когда-то они вместе закончили пединститут. Любовь-морковь, то-се. А потом оказалось, что Урм тот, какой-то наследственный барон, чуть ли не с примесью крови нибелунгов в жилах. Ускакал он, короче, за наследством, о любимой позабыв. А потом пообжился, приобрел собственную немаленькую логистическую компанию и устойчивое отвращение к немкам. Теперь где-то в районе Касселя живет – холостякует, вот о первой любви-то и вспомнил.

Но Макс, по его словам, не особо-то и расстроился. Если дословно:

«Муж твой лопух? Иди на йух! В первый раз шо ли от меня баба свинтила? Честно сказать, даже и не в десятый!» – он небрежно отмахнулся от наших неискренних соболезнований и резюмировал негромко, делая очередной ход: – «Нету пока той, шо и в жилу, и в масть! И вообще! Если жена ушла к пида...гогу, хоть и бывшему, как известно, – неизвестно кому повезло!»

Вот в этом я ему верю – у него этих женщин было больше чем у меня кошек и хомячков, даже если считать, начиная с самого раннего детства. И у меня той самой, чтобы в жилу, тоже пока нет. Не то, что в жилу, даже не в масть. Хотя я, конечно понимаю, – он-то имел в виду совсем не цвет волос. И вообще у меня не было ничего такого, настоящего, если не считать подростковой влюбленности. С Настей, моей подругой, у меня все ровно, предсказуемо и почти по графи-

ку, – без претензий, ожиданий и латиноамериканских страстей. Нам просто комфортно провести вместе день – другой. Ну, и ночь, естественно...

А небритый он, так это только потому что бриться пока просто влом. Всего-то вторая неделя свободы от очередной пассии заканчивается. А сколько у него ее, той свободы, обычно? Месяц? Два? На моей памяти – ровно до тех пор, пока ему не припечет по серьезному. Случайных связей на одну ночь Макс избегал принципиально. Ну, по крайней мере, насколько мне известно. Иначе, никогда бы мне не понять его принципов, заставляющих каждый раз предлагать жениться, чтобы только горение хотелки притушить. Или это у него просто заманиха такая, чтобы дамы более покладистыми становились?

Вот только походу не сильно это помогало. Точнее, не настолько, чтобы его подружки захотели задержаться, даже соблазнившись статусом законной супруги. Или им еще чего-то особенного не хватало? Может быть, железобетонной стабильности отношений и конкретной определенности в жизни? Финансового и материального благополучия? Так их у Макса, насколько я знаю, в ближайшем будущем и не предвидится. Ни светиться ему в столице нельзя, ни высовываться вообще – пока не улеглась вся пена бандитских разборок, хотя уже почти два года прошло.

В общем, не понятно мне. Ни покладистого характера у него, ни рыцарского воздыхания по отношению к бабам. А те

к нему липнут, как мухи. Вот куда они смотрят, знакомясь? На хотелку, что ли? Да ну, нафиг! Ладно одна, ладно – вторая, но не все же подряд! Вряд ли это может быть самой веской причиной. Хотя, что я знаю о существах с генератором случайных желаний вместо мозгов?

Короче. С женой все понятно. А от братков – конкурентов, жаждущих его крови, Макс, проявив некоторую изобретательность, скрылся, нанявшись добровольцем в один из частных батальонов, которые недавно олигархам разрешили содержать. Не у нас, конечно, – за границей. Типа, миротворцы. Негосударственные военные формирования, якобы поддерживающие порядок в проблемных регионах. А государству с того только выгода – заодно и неоднозначные задачи могут порешать там, где официальной армии нет, и быть не должно. А из войска, как известно, выдачи нет.

Так вот, последний год из пяти лет своего отсутствия, Макс воевал где-то на Ближнем Востоке. А где до того был, для меня до сих пор тайна великая. Не признается. Когда мы впервые после его возвращения пересеклись, я увидел – сильно поменялся бывший одноклассник. Очень сильно...

Однако, что-то заболтался я...

– Правда! – буркнул Кучерявый, разворачиваясь и собираясь уходить. – Пойду я, пожалуй, а то Светка опять хай поднимет! К малому в больницу как раз и собрались. Психует уже...

Он ссыпал оставшиеся в руке камни домино в коробку,

махнул досадливо рукой на Сыча и ушел, слегка сутулясь и не оглядываясь.

Виктор Васильевич сдвинул свои доминошки на середину стола, не став их складывать и поднялся.

– И мне пора...

– Что там не так с его парнем? Что-то серьезное? – поинтересовался я у Макса, когда Виктор Васильевич ушел, а Кучерявый уже скрылся в подъезде. – Не радостный он какой-то...

– Да уж, – вместо него ответил Сыч, – будешь тут веселиться...

Я промолчал, ожидая продолжения.

– На дурке его пацан! – хмуро сообщил он, с грохотом ссыпая кости домино в коробку и укладывая. – А все из-за этих фуфловых компьютерных игр!

– Да ладно! – Макс смахнул рукой на землю со стола несколько выпавших из пачки сухариков к пиву. – При чем тут игры? Я вот, тоже в детстве играл, и что? Меня тоже на дурку?

– Кто ж тебя знает-то? – пожал плечами Сыч, пряча коробку в тряпичную сумку, с кривой ухмылкой выпуская вбок сквозь губы сигаретный дым и ловя взгляд одноклассника. – Сейчас нет. А что завтра будет? Может быть, и ты свихнешься, бегая в какой-нибудь «Контре»? И пойдешь мочить всех подряд направо и налево! По своим понятиям. Как ты там говорил? А? «Развели твари бардак! Кончать всех надо»?

Вот-вот! – он задавил окурок в жестяной банке – пепельнице. – Это у Кучерявого сын настоящего оружия в руки не брал, мал еще. А ты, после своего «Архара»? Возьмешь в руки этакий джойстик с курком, и пойдешь свою собственную справедливость наводить, в одном отдельно взятом дворе, потом в микрорайоне...

– Да ты шо, Петрович? – совсем неискренне удивился Макс, хмурясь. – Какая такая «Контра»? Мой максимум, – «Супер Марио»! И то уже не пройду, скорее всего. Я уже и забыл, когда тот джойстик вообще в руки брал! Еще в детстве...

– Да ладно тебе! Не трюнди! Может быть и не «Контрас», а «Эрцы-Перцы» какие-нибудь! – скептически прищурился Сыч. – Джойстик он в руки не берет! Значит вирткомплексом обзавелся! Если не ты, то кто же тогда по ночам у меня за стенкой орет: «Фраг! Минус пять!», а?

Или: «Шо за дерьмо, тля, а не лут!» Мышей говорящих завел? Или тараканы у тебя на кухне веселятся? Не забивай мне баки, Максимка! Во что шпилишь, маньячелло? Признавайся! В «Мире» зажигаешь?

Он заговорщицки подмигнул.

– Да ни в шо я не шпилю! – зло буркнул тот, выбираясь из-за стола и собирая пустые пивные бутылки в пластиковый пакет. – Сказал же, Петрович! Я не играю! Ни в «Earth Defenders», ни в «Мир», ни во шо другое!

– А, чего это ты так разнервничался вдруг? – снова мно-

гозначительно усмехнулся Сыч. – Знаю – знаю! В курсах! Давненько ты уже не маньячил! Пару месяцев, не меньше. Тихо за стенкой стало. Ну только если пару раз всего. А в чем, зависал-то, не секрет? Хотя, – пофиг! Ща тех игр развелось. Каждый второй фраер свои крапает. У тебя, кстати, знакомых таких нет?

Макс отрицательно мотнул головой, ставя пакет на землю.

– Жаль! Можно было бы бабла поднять малехо. Я бы его с заказчиком свел, – притворно расстроено вздохнул Сыч. – И тебе бы чего капнуло.

– Так все же, – чё так? Надоел «Мир»? Или ломка началась? – внезапно, в ответ на прищуренный изучающий взгляд Сыча я даже физически ощутил прокатившуюся от Макса во все стороны холодную волну, зацепившую и меня, и понял – летний вечер перестает быть томным. Врожденный проблемметр на котором я до сих пор сидел, взвыл сиреной: «Сматывайся!» Только я на него не обратил должного внимания. Зря...

– Типа бросаешь? – ухмыльнулся Сыч, явно ничего не заметив. – Так я вот чего тебе скажу, дорогой! Да играй ты себе на здоровье! Не в «Эрцы-Перцы», так можно и в другое чего-нибудь. Только прошу по-человечески – не вопи ты по ночам раненым носорогом: «Твою ж мать! Только не респаун?!» Не мудрено, что все бабы от тебя поразбежались!

Он ехидно хмыкнул.

– Входящий! – внезапно непонятно к чему произнес Макс

напряженным голосом, в котором неожиданно прорезалась сталь. – Запрос! Оранжевый три один!

– Запрос принят! – так же непонятно ответил Сыч застывая на лавочке, закатывая глаза и дребезжа, словно разболтанная мембрана. – Пароль входа?

– Зет точка два два! – уверенно произнес одноклассник, напряженно чего-то ожидая.

– Пароль отклонен! – немедленно откликнулся Сыч. А еще через секунду: – В доступе отказано!

Макс, глядя настороженно – выжидающе, стал обходить его по кругу, пока не остановился за спиной. Я же смотрел во все глаза, не понимая действий одноклассника, и испытывая устойчивое ощущение нереальности происходящего.

Секунд через пять взгляд Сыча прояснился. Он с усилием мазнул пятерней по лицу, будто стирая что-то, и вопросительно посмотрел на меня.

– Че ты говорил, Ванек? А то я пропустил, чегой-то...

– Я? Ничего я не говорил! – открестился я, переводя взгляд на Макса, и вдруг с изумлением увидел, что тот, уже почему-то одет не в свою неизменную линялую футболку и драные джинсы, а каким-то образом оказался экипирован в какую-то вытертую местами до белизны комиссарскую кожанку, перетянутую брезентовыми пулеметными лентами, типа как в кино про революцию столетней давности, и достает правой рукой из деревянной, обтянутой такой же потертой кожей кобуры на поясе, нечто смутно напоминающее

древний маузер.

– А-а! Не ты-ы! – Сыч начал подниматься из-за стола, намереваясь развернуться в сторону Макса, но тот уверенным движением поднял пистолет, упер его на мгновение Сычу в затылок и нажал на курок. Вместо выстрела, по глазам полоснула короткая вспышка. Сыч осел обратно на скамейку, упал в стол лицом и затих. Из-под него на столешницу толчками потекла кровь.

– Ты че творишь? – отскочил я в сторону от приближающегося ко мне бывшего одноклассника, старательно собирая в кучку мозги, расползающиеся киселем от полного сюрреализма ситуации. – Макс! Твою ж мать! Ты что, совсем идиот?!

– Опа! – восторженно вскричал он, замирая и пропуская мои слова мимо ушей. – Класс! Есть! Единичка к боевому предвидению! И контрразведка немного подросла!

Я снова ничего не понял. Да и состояние ступора едва-едва только начало спадать. Однако это не помешало мне, не спуская глаз с его кожанки и темно – синих галифе, уже меняющихся обратно на майку с джинсами, ретироваться от стола, бочком – бочком проскочить мимо застывшего одноклассника, и припустить к своему подъезду. Ну, их нафиг! А мне, походу, срочно в люлю пора! Черт! Неужели у меня с какой-то несчастной пары литров пива натуральная «белочка» приключилась? Чего же они на заводе в него такого набодяжили, твари?

– Никому не говори! – донесся сзади тихий крик Макса. – Для твоей же пользы!

Я только еще больше ускорился, но уже зайдя в подъезд, засомневался. Не привиделся ли мне весь этот бред? Ну, не может быть такого, на самом же деле! Какая такая «белочка» при моих-то объемах потребления и только по выходным? Интересно, как там Сыч, бедняга? Не помер бы ненароком! И, что это с одноклассничком все-таки такое было, в конце-то концов?

В общем, я, недолго постояв за закрытой подъездной дверью, собрался с духом, развернулся и потихоньку вернулся к столу, дав небольшого кругалая.

Макс исчез. Сыч так и сидел, уткнувшись лицом в столешницу. Кровь натекла вокруг головы пятном в виде сердечка. Да, Петрович... Ничего я не понял! Но лайкнул тебя Максик от души!

Я достал мобилу и набрал 103#.

Внезапно Сыч начал как-то блекнуть. Мне показалось, – он на глазах истаивает, превращаясь в полупрозрачное привидение, становясь все призрачнее с каждой секундой. Я оторопело уставился на этот очередной необъяснимый феномен, не в силах сдвинуться с места. Так продолжалось примерно с минуту. Затем, с той же скоростью процесс прошел в обратном порядке, и тело Сыча стало прежним, то есть совершенно материальным. Я с усилием потер глаза, снова отказываясь им верить. Подошел, потрогал. Пока теплый. Зна-

чит, скорее всего, жив. Даст бог, – если врачи не задержатся, и дальше небо коптить будет.

Скорая приехала минут через пятнадцать, видимо предыдущий вызов у них был где-то недалеко, иначе ждать пришлось бы час, не меньше, и Сыч гарантированно врезал бы дуба. Его погрузили и увезли в областную больницу, – так мне медсестричка сказала. После того как я медикам объяснил, что я всего лишь случайный прохожий, обнаруживший пострадавшего, они мне вопросов больше не задавали.

Как только во двор въехал полицейский «Mitsubishi Outlander» и выскочивший коп перебросился парой слов с бригадиром реанимации, скорая рванула в арку и, включив сирену с мигалками, влилась в жиденький поток автомобилей на улице. Полицейские осмотрели место происшествия, составили протокол, который вежливо попросили подписать меня и приглашенного сюда Виктора Васильевича, как раз выбравшегося из квартиры вынести мусор. Задали несколько вопросов, на которые я ответил без конкретики, – мол, когда расходились по домам, было все тихо – мирно, а когда вернулся за забытыми сигаретами, Сыч, в смысле Сергей Петрович, уже был тут без сознания с головой в луже крови на столе.

Они уточнили, где живут все остальные игравшие в домино, в том числе и мы с Виктором Васильевичем. Сходили к Кучерявому, которого естественно не нашли, – тот и правда уехал в больницу к сыну. Побывали в Максимовой кварти-

ре, оказавшейся открытой, и не найдя его там, зачем-то опечатали. Оставили мне визитку, сопроводив просьбой позвонить, если тот вдруг объявится и уехали. Почему они заподозрили именно его, я сказать не могу.

О произошедших с Сычом чудесах, словах, брошенных Максом, и странных метаморфозах его одежды, как и о его непосредственном участии в инциденте, я ничего копам не сказал, по естественной железобетонной причине, вынужденно последовав его совету. Сами понимаете, – правды полицейским я рассказать не мог. Представляете, как она звучала бы? Не поверят все равно, только геморроя себе наживу, – сто пудов, подумают – и у меня с головой непорядок!

Сыч остался жив. Даст бог, – еще и в домино поиграет, и пару-тройку мастей набьёт. Место на руках и ногах пока есть, не совсем синие. А насчет его в виде привидения, – буду считать, что это у меня все-таки галлюцинация была. Зрительно – слуховая. Ага, пивная...

А вот с Максом, не до конца ясно. Точнее, – ясно только то, что все совершенно не ясно!

– Так что же там произошло на самом деле? – Виктор Васильевич пытливо заглянул мне в глаза, когда мы потихоньку дошли до моего подъезда.

Я только пожал плечами, протягивая руку для прощания.

– Не знаю... Пойду я!

– Пока... – ответил он на мое рукопожатие, явно не поверив. Постоял несколько мгновений и крикнул вслед: – Мак-

сим точно ничего странного не говорил и не делал?

– Ничего! – заверил я, не оборачиваясь и не останавливаясь. Никакого желания обсуждать бессмысленные восклицания сбрендившего одноклассника у меня не было. И только потом, когда я уже поднялся на свою площадку, до меня дошло, – только что я все-таки фактически признался в нашем с Максом присутствии там во время инцидента...

II

Не смотря на форточки открытые весь день, квартира встретила меня полумраком и духотой. Свежего воздуха и света в окнах катастрофически не хватало из-за разросшихся перед ними старых деревьев. Соседи не раз приходили ко мне с просьбой подписать петицию к ЖЕКу, в которой требовали их убрать. Подписывал, конечно.

Но у того вечно чего-то не срасталось, – то работников нет, то разрешения «Зеленстроя» на спил, то деньги в бюджете закончились, то бензопила поломалась вместе с единственным мающим похмельем дровосеком. Так и стоят они, сколько я себя помню, воруя большую часть солнца почти у всех жителей дома, кроме самого верхнего этажа.

Да-а... Суматошный выдался вечерок, а завтра с самого с ранья на работу. Съесть бы надо чего-нибудь, да и на боковую. Непростой день мне предстоит, – кровь из носа, а машину зама начальника налоговой доделать надо! Не то Федорыч, наш начальник СТО, меня живьем сожрет! Две недели, видите ли, я с ней вожусь! А ничего, что запчасти ему только в пятницу привезли? А сегодня воскресенье! И завтра по факту всего лишь третий день, как я мотор делаю! И это вместе с выходными! Вот так всегда, – сами наплужат, напугают, затянут время, а слесарю за всех расхлебывать! Специалисты, блин! Выпить и закусить...

Я уже почти засыпал, когда во входную дверь легонько постучали.

Сквозь мутный глазок совершенно ничего не просматривалось, – наверное, снова лампочка на площадке перегорела.

– Кто? – недовольно поинтересовался я в замочную скважину.

– Это я, Вань! – донесся с той стороны тихий голос Макса. – Открой, поговорить надо!

– Иди ты к чертовой матери, придурок! – отрезал я.

– Ну, открой, пожалуйста! – не отступился он. – Ты же ничего не понимаешь!

– И не хочу ничего понимать! – не поддался я, отступая от двери. – Ты опасен! И вообще, мне вставать рано! Иди... Домой!

Я развернулся и пошел в спальню, попутно посетив туалет. Макс еще недолго поскребся в дверь и успокоился. Шум поднимать ему было не с руки. Я же, лег в кровать, накрылся с головой простыней и, поворочавшись недолго, заснул и проспал без сновидений до звонка будильника в шесть ноль-ноль.

Уходя на работу, снова пришлось повозиться с дверью. Этот дурацкий замок давно требует замены, – все время в нем что-то заедает. Пробовал как-то сам перебрать, руки у меня растут из того места, что надо, но оказалось, нечего там ремонтировать. Поделка дешевая одноразовая. Намучаешься, пока закроешь – откроешь. Ранний Китай, что с него

взять? Другой же купить, все никак не соберусь. Петух же еще в ягодицу не клюнул...

– Ты не прав! – прозвучал сзади и сверху голос Макса, когда я уже почти справился с дурацкой железякой. Откуда он тут взялся? Однако дергаться не стал. Потом еще столько же с дверью провожусь, и так уже опаздываю. Одноклассник бросил в спину упрек: – Мне всю ночь пришлось на чердаке проторчать!

Я наконец-то закрыл надоевшую дверь и обернулся к нему. Да-а... К привычной Максимкиной полинялости, добавилась еще и помятость средней степени. И повышенная всклокоченность.

– Не думаю, что в обезьяннике тебе было бы намного удобнее! – предположил я, обходя его и направляясь на лестницу.

– Погодь! – он схватил меня за рукав.

– Отвали! Опаздываю! – выдернул руку я, начиная спускаться.

– Надо поговорить! – снова завел шарманку Макс, шагая через ступеньку за мною следом. – Ты же не понимаешь, шо происходит!

– А должен? – поинтересовался я, не останавливаясь. – Не хочу ничего знать! Отвали!

Он остановился и крикнул мне вдогонку шепотом: – Вечером, после работы, в гаражах! У Степаныча! Только приходи один! Покажем тебе кое-шо!

Я молча вышел из подъезда и направился на трамвай. Если тот не приедет в ближайшие пять минут, стопудово снова опоздаю! И тогда прощай двадцать процентов премии, потому как это уже третий раз за этот месяц будет! Я вообще-то пунктуальный, только знакомых у меня очень много. Как и у каждого адекватного автослесаря. Вот так – с каждым по минуте, по две, – не пошлешь же сходу их всех, потенциальные клиенты как-никак...

В общем, работаю на имидж СТО, а меня за это еще и штрафуют! Хоть бы сейчас никто не встретился! А вообще, если по нормальному, – заранее выходить надо, на час или два. А оно мне надо? Лучше их проспать. А может быть, действительно всех посылать к чертовой бабушке? Не их же деньгами наказывают! А за имидж пускай у Федоровича голова болит, она у него большая...

С такими мыслями я и на работу пришел, и машину за-ма налоговой делал. Даже на обед не отвлекался. Последние проверки закончил только спустя полчаса после того как СТО на ночь закрыли. Спасибо Вадику, водителю налоговика, – ждал терпеливо, не бузил. И даже чаевых от шефа подкинул. Немного, но если с уважением, то и этого достаточно.

Федорович тоже дожидался, пока можно будет машину отдать. И не злился на меня за задержку на работе. Хотя, сам виноват. Неделю назад запчасти привез бы и никаких проблем. Да ладно. Вон, улыбается Вадику даже, слегка заискивая. У него, наверное, свой интерес присутствует в том, что-

бы отдать машину именно сегодня.

На остановке снова пришлось ждать, хотя и создается впечатление, что вечером из депо выпускают больше трамваев, чем утром. Подъезжают один за другим. Только, как всегда не те, которые нужны мне! Ну что за невезуха, а? Утром вечно на работу не успеваю, – а вечером, когда по телеку футбол, домой опаздываю! Блин! А еще в магазин заскочить надо, – в холодильнике пусто, хоть в аренду сдавай...

Ёлки – палки! Ну где же ты, ишак железнорожденный?

На начало матча я все-таки не успел. Наши уже успели пропустить первый гол. И это за какие-то пятнадцать минут! Ё – моё! Да вы что, совсем издеваетесь?! Да немцев этих разноцветных, даже если вверх ногами перевернуть и на руках заставить бегать, и то лучше играть будут! Тьфу! Что ж такое-то, а? И так настроения не было, а тут еще эти! Пешеходы... Полуось им между гетр!

Дождался, когда ближе к концу первой половины нашим вкатили второй мяч, и в сердцах выключил зомбоящик, не в силах сносить изошренную пытку для честных болельщиков, по какому-то недоразумению выдаваемую у нас за футбол.

Чем нервы себе трепать зазря, лучше приготовлю-ка я чего-нибудь пожевать! А то, если честно, пельмени уже притошнило слегонца. А может быть, извратиться и забаббахать какой – никакой деликатес? Лазанью типа? А че? Я могу! Говорю же, руки у меня оттуда, откуда надо. Не то, что у этих горемычных ноги! Тьфу!

Однако после недолгих размышлений, с деликатесами решил не заморачиваться. Влом. Спагетти с сыром и обжаренным фаршем. И кетчуп с сырным соусом. Вот и вся лазанья. Вкус практически тот же, а мороки в сто раз меньше! И только потом до меня дошло – те же коки, только в профиль. То есть, – те же пельмени, только длинные, мелкорубленные и с сыром. Тьфу ты еще раз!

В общем, ел я, а телевизор включить так и подмывало. Ручка сама к пульту так и тянулась. Как там наши? Вдруг, чудо чудное приключилось, и вратарь баварский уже третьего колlobка из своих ворот выкатывает?

Но все-таки сдержался. Силу воли решил тренировать.

Только вот, чем заняться теперь не знаю. Спать ложиться вроде как еще рано...

Действительно, сходить, что ли к Степанычу в гараж, как зазывал Макс? Чего он мне там показать-то хотел? Да и интересно, что такое с его одеждой было? Шокер – маузер тот странный откуда взял? И с какого перепуга им Сыча приложил? Адекватный же мужик был, вроде. А теперь как-то даже стремно! Приголубит и меня чем-нибудь в башку, и все – поминай, как звали!

Или показалось все же?

Вот кто его знает, что у него там теперь в мозгах? Может быть, после войны на Ближнем Востоке травма какая-то психологическая осталась? Я слышал про таких типов, – они, как в Афгане начали трупы считать, так и не могут оста-

новиться. Саша Черный, к примеру. Я про него когда-то в «Солдате удачи» читал. Везде побывал, – и в Карабахе, и в Чечне. Только недавно в Сирии и успокоился. Точнее, упокоился, царство ему небесное. А то и дальше бы так. Для таких как он, война, что для детишек игра. «Warcraft» или «Doom» какой-нибудь. Живут они в ней...

Хотя все эти игры уже отстой. Как наши ребята, стажеры из ПТУ говорят, – старее дерьма мамонта. Нынче молодежь или от «Earth Defenders» фанатеет, или от совсем недавно появившегося «Мира», который «You & Your Worlds» продвигает. Наша отечественная компания, кстати. Чему я сильно удивился. Ладно америкосы с их «Защитниками». У них это дело давно уже на поток поставлено. Хотя, «Танчики» тоже, вроде бы наша игрушка. Не буду врать, – сам я не в теме. Не особо интересно как-то...

А вот наша школота из ПТУ рассказывала, что в первой игрушке Землю от инопланетян защищать надо, и там вроде как будущее. Технологии всякие, космические корабли, имплантаты, нейросети. Империи, республики и космические пираты. Земле нехило досталось, и типа ее защитить надо и возродить. Постапокалипсис в ассортименте, как говорится.

А во второй – вроде как, эльфы всякие с гномами, драконы с принцессами, короли и вампиры. Так ее намного больше хвалят. Типа там все настолько круто, что не только играть хочется, а и просто жить, если бы такое стало как-нибудь возможно. Что даже и работать лучше там. И этого хо-

тели бы многие.

У нас вот один мастер недавно уволился. Так он перед уходом так и сказал: «В «Мире» я в десять раз больше, чем на любом СТО заработаю! И с меньшими напряжениями!»

Что, мол, это не просто какая-то недоделанная игра, а целая виртуальная реальность! Которая и красивше, и реальнее этой, недоделанной, в сто раз. Не знаю. Не пробовал. Да и вряд ли, когда попробую. Зачем мне другая реальность? Даже в игре. Тем более, там какие-то заумные штуки нужны, чтобы в нее входить, и стоят они столько, что мне всю жизнь без выходных работать. А он мне – можно, говорит, кредит взять.

Ага! Щас! Кредит... Тогда работать придется еще и по ночам! А играть-то тогда, когда?

Короче. Пускай играют те, кому по жизни больше заняться нечем. У меня другие дела.

В общем, рассудил я так – нафиг я Максу не нужен, чтобы он меня тоже в голову шокером приголубил. Не для того зовет. Хотел бы, давно уже воспользовался своим маузером. Да хотя бы даже тогда, когда мы на речку ездили с Настей и Катькой, – ее одноклассницей. Он в тот раз нам конкретно на хвост упал, никакой возможности отказаться не было. Настя, видите ли, ему тоже понравилась! А ничего, что она со мной была, вообще-то? И планы у нее на меня были, как она потом призналась, да и у меня тоже перед глазами ее обтянутая шортами попка маячила. А тут этот мачо прилип,

как банный лист, честное слово!

Пришлось ей и Катю с нами звать, чтобы он не мешал нам хотя бы какое-то время, и отвлекся чуть на сторону. Одинокая она, Катька, не везет ей с мужиками. А Максим ей понравился. Очень, как призналась она, смущенно поправляя лифчик, непонятно как перекрутившийся под футболкой на сто восемьдесят градусов. Кто бы сомневался! Есть в нем все-таки что-то такое, – демоническое, манящее баб, как мотыльков на огонь. И не смотрят же они на майки его линялые и голову нечесаную! Я в шоке! Тьфу, тьфу!

В общем, собрался я, и все-таки пошел в гаражи.

Вечер уже вступил в полную силу и в густых летних сумерках, проем не до конца закрытых невидимых ворот гаража Степаныча, квадратом, очерченным пробивающимися из щелей плоскими лучами света, напоминал нечто вроде портала в другой мир, как его показывают в японских мультфильмах – аниме. Я приложил ухо к щели и прислушался. Тихо.

Слегка потянул створку на себя. Не поддается. Пришлось стучать.

– Кто? – прозвучал глухой голос Макса с той стороны портала. Тьфу ты! Изнутри гаража! Хотя, честно сказать, мне на секунду очень захотелось, чтобы это все-таки оказался портал! Неважно куда, лишь бы подальше отсюда, от обрыдлости ежедневья и болотной вязкой рутины постоянного, и на самом деле совершенно не нужного «надо».

Я очень удивился внезапно пришедшему пониманию. Скорее озарению. Оказывается, я, где-то там, в самой бездонной впадине своей вялой души – романтик, мечтающий о невероятных приключениях с огнедышащими драконами или космическими рейдерами на горизонте. С падающими в смертельных судорогах от удара моего меча или плазмогана монстрами...

И, конечно же, все хорошее должно происходить именно со мною. Всем таким из себя непобедимым, во всем таком белом и недешевом, типа скафе или броне, уверенно несущемся на белом, опять же, спэйс-челноке или мерине, вызволять умопомрачительной красоты длинноногую белокурую принцессу. Из мерзких похотливых лап какого-нибудь Темного Властелина. Старого и безобразного...

Почему именно такого, мне и самому было не понятно. Хотя, как по-другому? Разве может Темный Властелин, оказаться харизматичным и остроумным, в меру молодым обаяшкой, при виде которого дамы сами падают к его ногам штабелями? Он же Темный! Это же как-то не правильно, что ли...

Я хорошенько потрянул головой, сбрасывая непонятно откуда взявшиеся дурацкие мысли. Какой такой Властелин? Какой в пень, белый я? Бред сивого мерина! Именно того, на котором я никуда не помчусь и не стану никого вызволять из сексуального рабства! Даже сексапильных красоток с ногами от ушей!

– Это Иван! – сообщил я в щель, осознавая полную глупость своего прихода. Вот зачем приперся? Не иначе как все-таки повредился мозгами! Любопытство и безделье никогда еще никого до хорошего не доводили. В основном такие бесполовые как я, попадают не в сказочные реальности, а совершенно в другие места, – глубокие и засасывающие, из двух симметричных полушарий. Точнее, между ними. Надо сваливать, пока не поздно!

Но я не успел, – створка ворот резко открылась и показавшаяся оттуда рука, с силой втянула меня за футболку внутрь.

Ворота сзади громыхнули, закрываясь. Сухо звякнула задвижка. Я туда не смотрел. Потому как, все внимание сосредоточилось на более интересной картине.

Почти посреди гаража, немного ближе к дальней стене с верстаком, примотанный скотчем к креслу на колесиках с подголовником, – у Федоровича, в его кабинете точно такое же стоит, сидел зять Степаныча – Коля, уронив голову на плечо и пуская слюни. Я бы и не узнал его из-за огромных черных сплошных очков, похожих на полумаску для сварщика, закрывающих большую часть лица, если бы не весьма примечательная дырка в мочке уха со вставленным туда кольцом – черное в серебре. Мода нынче такая пошла идиотская. И у нашей вчерашней школоты на СТО тоже.

Полки на противоположной стене оказались заставлены какой-то аппаратурой. На верстаке стоял немаленький монитор с постоянно меняющейся в нем картинкой, а чуть правее

находились еще два кресла, в одном из которых сидел сам Степаныч, полуобернувшись к входу и пытаясь поймать мой загнанный взгляд.

Я попятился назад, понимая, что сейчас ничем не отличаюсь от пресловутого котяры, чье любопытство его самого же и сгубило.

– Не сцы! – подпер меня сзади Макс, не позволяя уйти. – Ничего мы тебе не сделаем!

– Привет, Ваня! – поздоровался Степаныч, как ни в чем не бывало. Вроде бы это и не его зять вялым овощем в кресле упакованный дозревает, и соплями всю рубашку на груди залил. – Проходи, не бойся!

Я обернулся и, посмотрев на совершенно не в тему расплывшееся в добродушной улыбке лицо Макса, все-таки решился. Прошел, и присев в предложенное Степанычем кресло, кинул на того вопросительный взгляд.

– Все не так страшно, как может показаться! – вместо хозяина гаража на мой невысказанный вопрос ответил Макс, затем подошел к Коле и висящим на спинке кресла полотенцем отер прозрачные густые ниточки слюны с его рта.

– Он в порядке! – подтвердил Степаныч специально для меня, благодарно кивнув Максу и доставая из-под стола бутылку пива. Открыл ее, скрутив крышку. – Будешь?

– Не! – отказался я, энергично вращая головой и до сих пор не понимая, что же я тут забыл. Добровольно, сам влез в логово маньяков, занимающихся превращением людей в без-

вольных амеб! Что они потом с ними делают? На органы расчленяют? Меня даже передернуло от пришедшей мысли. Хирургический инструментарий в поле зрения отсутствовал. Однако это еще ни о чем не говорило. Может быть, они на полу их голыми руками на запчасти разбирают? Предварительно обработав из Максимковского шокера. С Колей все понятно, – не угодил Степанычу зять, нового искать будет. А меня-то за какие грехи?

– Да расслабься ты! – рассмеялся Макс, присаживаясь на корточки возле привязанного Коли и проверяя пульс. – Никто никого тут не пытается! Скорее, наоборот! Врачуем заблудшие души!

– Интересный у вас способ! – зябко поежился я, бросив взгляд на бессознательную жертву лечения.

– Пока по-другому не получается! – поставил меня в известность Степаныч, пересев за компьютер и что-то набрал на клавиатуре. – Спасибо Михе, что хотя бы так!

– Ладно! – обратился я к Максиму, решив расставить точки над *i*, а заодно сбежать, пока не поздно. – Ты меня звал, чтобы показать это? Тогда, все! Уже посмотрел!

Я поднялся с кресла, собираясь уходить.

– Подожди! – усадил меня обратно за рукав Степаныч. – Сейчас Ботаник подойдет и все расскажет! Это он просил тебя пригласить!

– Какой еще Ботаник? – с подозрением поинтересовался я.

– Миша! – подтвердил мою догадку Макс.

– Тот задрот, которого Кучерявый чмырил не за три копейки? – уточнил я. – Над которым постоянно все во дворе потешались? Вы серьезно?

– Более чем! – утвердительно кивнул Степаныч. – Очень умный и вежливый парень!

– Точняк! – согласился Макс, стирая очередную порцию натекшей слюны с подбородка Коли. – Продуманный пацан!

– Ладно! – не стал спорить я, все же порываясь встать из кресла. – Тогда, пойду пока покурю!

– Кури здесь! – разрешил Степаныч, снова придерживая меня на месте и подавая жестяную банку из-под индийского кофе. – Я хоть и бросил давно, – иногда не против дымку нюхнуть. Ностальгия, знаешь ли. По молодости...

Молча просидели все время, пока я неторопливо пускал кольца в потолок. Степаныч сосредоточенно смотрел в монитор, изредка нажимая какие-то клавиши и щелкая мышкой.

– Играешь, что ли? – удивился я, всмотревшись в движущиеся на мониторе стены помещений и мельтешение света в темных коридорах.

– Вывожу! – сообщил тот, не отрываясь. – Немного уже осталось! Не мешай пока!

Прошло минут десять.

– Ну, и когда уже этот ваш Ботан придет? – нетерпеливо поинтересовался я у Макса, по-прежнему занятого Колей,

чувствуя накатывающее раздражение. Замордовали человека и сидят в игры играют! Филиал дурдома! – Мне на работу с утра! Алё!

– Щас будет! – заверил он меня, мельком взглянув на монитор. – Степаныч уже почти у выхода! Сам он не справится, вот Мишка и появится, чтобы помочь! Иначе Коля там и останется!

Я промолчал, не понимая, о чем он говорит. Ладно, подожду еще немного.

– Все, он у телепортационного отсека! – сообщил Степаныч через три минуты. Я взглянул на монитор. Там, среди помещения со светлыми металлизированными стенами ярко светился полупрозрачный цилиндр, охватывая почти невидимого персонажа, скорее даже просто контур слегка угадываемой человеческой фигуры.

В дверь тихонько забарабанили прерывистым условным стуком. Макс пошел открывать.

III

В гараж проскользнул Миша. Как всегда, прыщавый, бледный и дрищеватый. Совершенно не выглядящий героем, готовым по первому зову прийти на помощь ближнему своему. И чего спрашивается, его надо было дожидаться?

– Привет! – поздоровался он со мной, слегка дернув уголками сухих губ и бросив мимолетный взгляд на Колю. Прощел к стойке с аппаратурой, занимая кресло, которое ему тут же без разговоров уступил Степаныч. – Эксцессов не было?

– Да нормалек, все как по маслу! – отрапортовал тот. – Как ты и говорил!

– Вот и хорошо! – пробормотал Миша, быстро набирая что-то на клавиатуре. – Приготовьтесь! Да! И развяжите его сразу, как только перестанет дергаться!

– Ага! – подтвердил Макс, беря голову Коли в обе ладони и удерживая ее прямо. – Я готов!

– Я тоже! – сообщил Степаныч, становясь рядом с ним с полотенцем в руке.

– Тогда, начинаю! – предупредил Миша, легко ударя по самой большой клавише на клавиатуре и тут же стал ловко орудовать мышкой и тарыхтеть более мелкими кнопками. Свечение цилиндра на мониторе замерцало, изображение поплыло, а по экрану побежали горизонтальные полосы помех. Миша активно работал обеими руками, изредка

откидывая движением головы спадающую на глаза длинную челку.

Коля забился в конвульсиях, дергаясь и вырываясь из рук двух крепких мужиков. Из заклеенного скотчем рта провалился душераздирающий вой смертельно раненного зверя.

Одновременно ракурс изображения в мониторе изменился, – фигура человека в полупрозрачном светящемся столбе уплотнилась, и теперь до чертиков напоминала реального Колю, – я даже кольцо в ухе разглядел. Только там он выглядел как игровой персонаж. Не так, как люди на обычном видео. Хорошо прорисованный виртуальный Николай. Его тоже сотрясали судороги.

Настоящего Колю выгнуло, будто в приступе столбняка, скотч, удерживающий его в кресле, лопнул с хлестким звуком, будто щелкнул хлыст укротителя. Степаныч, стоявший на подхвате, навалился на зятя всем телом не позволяя тому встать и фиксируя грудь полотенцем. Макс по-прежнему, крепко удерживал его голову.

Внезапно из персонажа, дергающегося в мониторе, сопротивляясь и цепляясь, вывалилась какая-то мерзкая полупрозрачная субстанция. Компьютерный Коля упал на пол, а та зависла в мерцающем свечении цилиндра, постепенно материализуясь и превращаясь в уродливую тварь. Ее не человеческое лицо с раззявленным в неслышимом крике ртом, приблизилось и заняло весь экран, меняясь и корчась, превращаясь в страшную демоническую маску с кровавым влаж-

ным овалом рта.

Коля в кресле затих, а в лице на мониторе начали нали-ваться, проявляясь все сильнее и ярче, сотни неоновых жел-то – зеленых капилляров. Они быстро набухали, уродуя мас-ку еще больше, пока та не взорвалась, разлетевшись по внут-ренностям порталного столба тысячами нолей и единиц та-кого же цвета. Они исчезли, поглощенные его ярким сияни-ем.

Я наблюдал за всей этой фантазмагорией с отвисшей че-люстью.

Миша сделал еще пару щелчков мышкой. Тело виртуаль-ного Коли поднялось, обошло цилиндр и шагнуло в него с другой стороны. Окуталось искрами и пропало в световом столбе.

– Все! – Миша последний раз ткнул в какую-то клавишу на клавиатуре и удовлетворенно откинулся на спинку крес-ла, убирая челку с глаз. Монитор погас, компьютер, погудев еще несколько секунд, выключился.

В гараже повисла звенящая тишина, нарушаемая только тихим равномерным дыханием Коли.

– Ты уверен, что все в порядке? – озабоченно поинтересо-вался Степаныч у Миши, аккуратно снимая с зятя полумас-ку. Скрипнул отдираемый от рта скотч.

– Совершенно! – подтвердил тот, наконец-то обращая на меня внимание. – Такие вот дела, Иван Васильевич!

– Ты думаешь, я чего-нибудь понял? – не стал я корчить

из себя умника. – Что это было?

– Сеанс программного экзорцизма! – сообщил мне он, вяло улыбнувшись. – Бота, вселившегося в Николая, изгоняли...

– Кого? – удивился я.

– Ту сущность, которую ты в мониторе видел! – пояснил Миша, потягиваясь в кресле. – Паразита из цифровой игровой вселенной...

– Паразит, – это когда в тебе глист завелся! – не согласился я. – Бычий цепень или аскарида. А это же только компьютер!

– Как известно, неумение предохраняться, не оправдывает нежелательной беременности! – влез в разговор Макс.

Миша кивнул с умным лицом, вроде как ему, задохлику, что-нибудь известно о взаимоотношениях со слабым полом. В жизнь не поверю! Хотя, я и харизмы Макса не замечаю, в отличие от его поклонниц.

Он достал из-под стола у компьютера запотевшую бутылку пива. Холодильник у них там, что ли?

– Будешь?

В этот раз я отказываться не стал. Свернул крышку и приложился. Хорошее пиво, полутемное. Снова не в тему вспомнились баварцы и их четыре обидных, потому как безответных, гола, забитые в наши ворота. Я даже скривился.

– Может, светлого дать? – не так истолковав мою гримасу, предложил внимательно наблюдавший за мной Макс.

– Не надо! И это замечательное, спасибо! – отказался я,

делая еще глоток. – Это я по другому поводу...

– По поводу паразитов? – уточнил Миша. Я не стал его переубеждать. – Это правда! Ты был свидетелем, как мы извлекали его из головы Николая. Коля оказался слишком уязвимым для демонов, приходящих из виртуальности. Но мы сделали все вовремя и отправили тварь подальше...

– Ты серьезно? – я недоверчиво хмыкнул. – Демоны из виртуальности? Залазят людям в голову?

– Угу! – просто подтвердил Миша, доставая пиво и для себя. – Не всем, конечно, а только тем, кто каким-то образом взаимодействует с иной реальностью и этому подвержен.

Посмотрев на мою скептическую мину, он продолжил:

– Вижу, ты не веришь, Иван Васильевич?

Я неопределенно пожал плечами.

– Слишком невероятно звучит. Нет, не верю!

– А ты ему немного фактиков подкинь! – посоветовал Степаныч. – Как мне в свое время! Как раз и Коля пока в себя придет!

Миша откинулся на спинку кресла и, покрутив в руках так и не открытую бутылку, поставил ее на верстак, усмехнувшись, и прямо посмотрел мне в глаза. А я будто споткнулся о его взгляд, – в котором совершенно неожиданно читались спокойствие и уверенность умудренного годами человека, слегка приправленные небольшим интересом, – похоже, моя реакция его даже забавляла. В моем понимании все это никак не сочеталось с его угловатым внешним видом под-

ростка в процессе возмужания, и смотрелось весьма забавно, вызывая предательскую улыбку. Но я сдержался. Не хочется обижать парня.

– Случилось так, что я неплохо разбираюсь в программировании, – сообщил он, еще раз едва дернув губами в усмешке, словно прочитав мои мысли и резким движением головы снова откинул челку с глаз. – Мой главный интерес – исходный код. Точнее его реализация в различных проектах. И чем он сложнее и лучше защищен, тем мне интереснее!

– Так ты – хакер? – решил я сразу раскладывать поступающую информацию на нужные полочки в голове. Так легче будет разобраться. Привычка у меня такая, – все детальки раскладывать так, чтобы не потерять и не перепутать. Я-то не компьютерный гений. Ты мне машину со стуканувшим движком дай, тогда да, а вот всякие гаджеты и прочие программируемые электронные прибабасы, – это не ко мне. Для этого отдельный специалист на СТО имеется.

– Ну, если отбросить словесную шелуху, можно и так сказать! – согласился Миша, едва заметно поморщившись. – Хотя, я считаю себя просто оператором возможных состояний...

Он замолчал, ожидая моего вопроса.

– Состояний чего? – не разочаровал я.

– Информационных массивов! – усмехнулся Михаил. – Лично я рассматриваю окружающий мир, как взаимодействие их совокупности, и только так. Ничего во всей Вселен-

ной не обходится без них! Ни жизнь, ни ее отсутствие, да и сама Вселенная, как материальный объект.

– Федорович, мой на мастер на СТО, говорит, что жизнь – это движение! – возразил я. – А его отсутствие – смерть! И я с ним, в принципе, согласен. Вот помер ты и не шевелишься, – нафига тебе информация?

– Тебе – уже ни нафига! – серьезно согласился Миша. – Но то, что это тебе уже ни нафига – это массив информации, содержащий ответы на вопросы: «почему», «когда произошло», «кто любил», «кто нет», «как долго до полной переработки тела в микроэлементы», и еще миллион. Тебе все равно, а окружающему миру – нет!

– Ну-у... Если так... – почесал в затылке я. – И что там с этими массивами?

– Да сложно там все! С наскака не объяснить – махнул рукой Миша. – Ладно! Давай зайдем с другой стороны! Вот ковырял я один ресурс, не наш, закордонный, и нарыл там интересную инфу: как только появился компьютер, те отделы разведслужб, которые курировали исследования по воздействию различных факторов на мозг людей, тут же включили его в разработку...

– Тоже мне новость! – хмыкнул я, перебивая, и вспоминая весь поток «откровений» льющийся с «голубого экрана». – Проще сказать, чего они не включили! Сахар с кофе, секс, подземелья, инопланетян и йогу с музыкой! Все эти «секреты», Комнин в своей программе «Перед прочтением сжечь»,

каждый выпуск на всю страну разоблачает!

Миша вздохнул с выражением долготерпения на лице.

– Психоактивным стимулятором может выступать что угодно! – согласился он с популярным ведущим желтого телеиздания. – В этом он прав! Только я говорю о конкретных вещах. Не о липовых сенсациях, и не о религиозных или трансцендентных практиках. Только о непосредственном и доказанном воздействии на мозги, типа – нажми на кнопку и получишь результат.

– Зомбирование и дебилизация населения посредством телевидения? – с видом умудренного опытом человека предположил я. – И сейчас ты вспомнишь о временах, когда его еще не было, а в мозгах ковыряться уже начали по полной программе. Типа там криптографический спецотдел при ВЧК, под руководством некоего Глеба Бокия с секретной лабораторией нейроэнергетики. Или секретный проект по созданию суперсолдата с добровольцами – комсомольцами, которым вживляли в мозг электроды из золота, чтобы получить биоробота с нужными функциями.

– Ну-у... – улыбнулся он. – Типа того!

– Да баян все это! – фыркнул я. – С технологиями того времени? Не смеши!

– Баян или нет, не мне судить, – хмыкнул Миша, потянувшись рукой к верстаку. – Электроды снижающие болевые ощущения и улучшающие моторику мышц? Вряд ли. А вот замена костей титановыми протезами...

Ты знаешь, что пятьдесят лет спустя находили их скелеты с титановыми костями и клеймами на них, типа: «Харьков.1934. АСЧ 760978-Ц». И ни один из примерно четырехсот суперсолдат не пережил Второй Мировой? При их-то аггрейдах! А почему? Скорее всего, по каким-то причинам их просто убрали! Может быть, с воздействием на мозг не все получилось гладко и биороботы взбунтовались?

Миша умолк, с удивлением обнаружив у себя в руке бутылку с пивом, которую вроде как убирал на верстак. Усмехнулся и, взглянув на меня, скрутил крышку.

– Заболтался! В горле пересохло!

Он сделал один большой глоток, примерно на треть бутылки и, оторвавшись, блаженно вдохнул воздух, причмокивая губами и смакуя. Чем заслужил мое негласное одобрение и причисление к когорте «своих». Я считаю так, – если пьешь, – пей! Пей так, чтобы это было в удовольствие, а не в напряг! И в этом деле, первый глоток, – он и самый вкусный и, возможно, уже и достаточный. Лично я знаю свою норму всегда! Никто не может сказать, что я где-то на каком-то мероприятии мордой в стол валялся или лыка не вязал!

– Все это занимательно, – сообщил я, не забыв и сам отхлебнуть пива. – Можно еще про фашистские психотехники воздействия на сознание и эликсир гениальности для суперменов вспомнить. И про то, что после войны все специалисты, занимавшиеся этими вопросами, плавно перекочевали за океан. Как примерно с пятидесятых годов прошлого века

начались «Мозговые войны». В которых с обеих сторон, – нашей и американцев, участвовали люди – операторы, типа экстрасенсов и других паранормалов. Про программы "Ар-тишок", "Синяя птица", "МК-Ультра", где в опытах принимали участие не только научно-исследовательские центры, но и тюрьмы и госпитали. И компьютеры тогда уже были. И поставка мозгов в лаборатории поставлена на поток...

Обо всем этом Комнин в своих передачах рассказывал. Но так до компьютеров и демонов-глистов, о которых ты хотел рассказать, мы никогда не доберёмся!

– Я понял! – он сделал очередной глоток, поморщился. – Ты в курсе! Поэтому знаешь, что появление телевидения, полупроводников для него и компьютера, а особенно Интернета, вывело возможности манипуляцией сознанием на новый уровень, и надеюсь, ты не сомневаешься, что все это не осталось без внимания спецслужб?

Я неопределенно пожал плечами. Мол, ясен пень!

– А еще ты должен понимать, что телевидение осуществляет только общее зомбирование! – он удовлетворенный ответом кивнул. – Оно не позволяет работать с каждым конкретным человеком в отдельности. И степень воздействия ТВ слаба, как это не парадоксально, именно из-за массовости!

А вот уже личные компьютеры, позволили проникать в мозги уже конкретных пользователей! И сам понимаешь, грех было этим не воспользоваться! Цели-то у этих типов,

жаждущих господствовать над толпой, не поменялись!

– Как я понимаю, прелюдия закончилась? – предположил я с облегчением. – Без обид, Миха! Я тебя услышал! Появились какие-то технологии, позволяющие напрямую втюхивать нам что-то в мозги! И что с того? Причем здесь какие-то компьютерные глисты? Все, что в компьютерах происходит, не материально же, в отличие от нас! Или все не так?

Миша допил пиво и аккуратно опустил пустую бутылку в заполненное наполовину мусорное ведро у кресла.

– Вот тут, как раз и начинается самое интересное! – хмыкнул он, зачем-то указав на монитор. – Информация – информацией, в открытом доступе все, как правило, на уровне домыслов, но! Если знать, чего и как искать, то можно нарыть нечто более существенное. К примеру – некий проект «Survival», «выживание» по-нашему. Я смог получить доступ ко всем его файлам. И знаешь, что самое интересное?

Он не государственный! Я не нашел никаких взаимосвязей ни с одним правительством ни одной страны!

Слушал я его и думал, – а паренек-то уверен в себе! Не смотря на всю свою дрищеватость и прыщавость. Не стесняется, не мнется, излагает интересно и связано, – сразу видно, тема им изучена досконально. А Кучерявый, чмырило, что знает он? С какой стороны из бутылки течет? И как своим поганым ртом, нормальных людей сплетнями слюнявить?

– Ну, и в чем прикол? – я сделал вид, что заинтересовался. – Что за проект?

– Погоди! – возбужденно перебил меня Михаил. – Ни с одним правительством! Слышишь? Но! Он связывает все разведслужбы G-20, – то есть, Большой двадцатки! Нет! Немного не так! Не разведслужбы, а специальные отделы, созданные при них!

– И что? – снова не дошло до меня. – Интерпол вон, тоже по всему миру связан в сеть!

– А то! Ты спрашивал, что это за проект?

– Ну?

– Проект по замене реальных людей на программных ботов! Точнее, личностей этих людей на квазиличности программно сгенерированных персонажей! – он откинулся на спинку кресла и торжествующе посмотрел на меня. И чему радуется, спрашивается?

– Не убедительно! – обломал я его. – Детский сад, какой-то! Ты сам-то себя со стороны слышал?

Я махнул рукой, встал и направился на выход. На удивление, меня никто не удерживал.

Не успел я открыть ворота, как сзади шумно засуетились, – пришел в себя Коля. Я остановился, – интересно, а этот что пропоет о своей слюнявой отключке, если расспросить?

Зять Степаныча осмотрелся вокруг ошалелыми глазами, сфокусировал их на Мише и выдал осипшим голосом:

– Ну, как?

– Это у тебя надо спросить! – отфутболил тот вопрос об-

ратно. – Пить хочешь?

– Да, пожалуй... – согласился Николай, прислушиваясь к своим ощущениям и принимая у Макса бутылочку с минералкой. – Вроде бы все! Я его не чувствую! Здоровый был?

– Так себе! – отмахнулся Миша. – Обыкновенный. Степаныч видел! Все хорошо, что вовремя!

Уйти прямо сейчас я уже не смог, хотя, может быть, и стоило. Интересно было, чем все закончится с Колей. Да и не понял я пока ничего толком. Какие цифровые глисты? Как они в голову залазят? Как Миша про них узнал, и вообще...

Короче, вопросов появилось еще больше. И вот еще что...

Их четверо. Мужиков, я имею в виду. Не могли же они все одновременно мозгами повредиться? Или могли?

Я решительно вернулся в свое кресло. Трое из них сопровождали меня одобрительными взглядами. Коле пока было не до того...

Минут через пять Колюня окончательно пришел в себя. Степаныч налил воды в рукомойник, висящий в углу над пустым ведром и дал ему чистое полотенце. Тот умылся и, протирая лицо, сообщил Степанычу:

– Пойду я, а то Ленка там, наверное, извелась вся!

– Иди! – согласился он, отпирая дверь. – Надеюсь, урок усвоен?

– На все сто! – подтвердил зять. – Больше никаких игр и перезаписи генетического кода! Отвечаю! И вообще...

Он обернулся и, наткнувшись на недоверчивый взгляд те-

стя, пообещал:

– Никаких игр! Клянусь!

– Ладно, уж! – улыбнулся Степаныч, выпуская его на улицу. – Иди уже! Ленчику привет!

Коля ушел, а я так и не спросил, что же с ним приключилось? Как он подцепил эту заразу? О чем и поинтересовался у Миши.

– В его случае, все довольно просто и лежит на поверхности, – он снова запустил компьютер и пока тот загружался, продолжил:

– В игре «Earth Defenders», на которую он присел, есть такая фишка – чтобы прокачивать персонажа, выбранного им класса – ксеноморфолога, ну, улучшать, я имею в виду, – тебе необходимо периодически подвергать изменениям свой генетический код, чтобы иметь возможность вплотную контактировать с обнаруживаемыми дальней разведкой новыми, особенно не гуманоидными формами жизни. От этого напрямую зависит прокачка персонажа. Вот на каком-то из этапов, почти в начале приключений, я не разобрался пока, конкретно на каком, его персонажу незаметно и подселили в голову программного сожителя. А дальше уже он стал замещать личность Николая и подсказывал ему, как развивать своего героя так, чтобы от него самого ничего не осталось в его же голове!

– Как это? – не понял я. – Что значит – подселили? Ему же никто не лез со скальпелем в мозги?

– Ну, Иван Васильевич... – он откинул челку. И не раздражает же она его? Я вот только смотрю, а так и хочется взять, и обрить наголо. Сам бы я давно уже подстригся. Машинкой под насадку. Дешево и сердито, и практично.

Миша подозрительно посмотрел на меня, вроде как снова мысли мои прочитал, еще раз пригладил волосы, как бы проверяя, – на месте ли? И поинтересовался:

– Ты вообще в курсе как устроен и работает мозг?

– Можно подумать, ты в курсе! – недоверчиво хмыкнул я. – Или есть еще кто-нибудь! Устроен, – это еще туда – сюда! Ну там полушария, извилины, гиппопотамус...

– Гипоталамус, – поправил меня Миша машинально, набирая что-то на клавиатуре, – небольшая область в промежуточном мозге, отвечающая за нейроэндокринную деятельность и гомеостаз организма.

– Во-во! – согласился я. – Таламус! Устройство, может быть, и изучили, а вот как он думает и чем, – очень сомневаюсь! Это тебе даже не блок управления в машине, хотя для меня и его принцип работы темный лес. А тут – мозг! Без диодов и микросхем! Живой!

– Не все так печально! – улыбнулся Миша и тут же нахмурился. – А может быть, наоборот... Печально, совсем! Максим! Подай, пожалуйста, наголовный дисплей!

Тот молча принес ему ту полумаску, которая была надета на Колю, когда из него бота-глиста изгоняли. Миша протянул ее мне.

– Надень!

– Да ну тебя! – отказался я, отпрянув. – Сам одевай! Ты же говорил, – это небезопасно! Паразиты и все такое...

– Да не ссы ты! – перебил Макс, забирая полумаску у Миши и впихивая мне в руки. – Это же виртуальные очки, а не женские прелести! Гусарский насморк или какую спирохету, точняк не подхватишь! Одевай! Не то мы тебя еще полгода уговаривать и объяснять будем! Одевай, говорю!

– Это совершенно безопасно и безболезненно! – подтвердил Степаныч, подходя поближе. – Я тоже проходил этот тест!

– Да! – кивнул Макс. – И я! Видишь же, – живой и здоровый!

– Вижу-вижу! – согласился я. – И главное, при полном уме! Сыч лично может это подтвердить, когда из больницы выйдет!

– А, что там с Серегой? – удивился Степаныч. – Я его видел вчера. Вроде здоров был...

– Вчера был! – покивал я со скептической миной. – Здоров! Будешь тут здоров, если тебе в затылок из шокера шамальнут!

– Максим? – Степаныч подозрительно посмотрел на него, – теперь тот очень напоминал мне того одноклассника, которого я помнил. Когда его завуч распекал за разбитое окно в раздевалке спортзала. – В чем дело?

– Так я это... – замялся он, заметно смутившись. – Миха сказал же: «Я встану за тем, в ком паразит полностью адап-

тировался»!

Миша со Степанычем ждали продолжения в угрюмом ожидании сверля Макса глазами.

– Вот я и подумал, – чего, возможности пропадать-то? – признался он, опасливо отступая от Степаныча на шаг. – Мне же надо как-то дальше двигаться! Вы сами запретили мне зависать в «Дефендерах», а на нем я сразу два параметра поднял! Тем более, Сыч непонятно как считал с меня остатки. Ну, этих... Характеристик. И походу знал, шо я из очистившихся! Я думаю, он меня не вспомнит! Наверное... Я ему пароль назвал, но он походу, просроченный...

– Так ты и доступ пытался получить? – ахнул Миша, темнея лицом и вскакивая из кресла. – Я же тебе указал на него, только для того чтобы ты попытался увидеть характеристики и удостовериться! Вот же идиот! И с чего ты взял, что он вообще в теме, про очистившихся?

Миша упал обратно в кресло и схватился за голову.

– Он знал, шо я... – Макс замялся, тем самым показывая, что явно наплужил. В чем-то пока для меня непонятном. И неслабо. Глаза его бегали. – Сыч сказал, шо заметил, шо я перестал играть и советовал снова... А еще спрашивал, нет ли у меня знакомого программиста. Я сказал шо не...

– Ты! – подступил к нему Степаныч, нависая. – Ты снова играл, идиот?

– Ну-у... – совсем сник Макс. – Давно...

– Вот уж ты debil! – покачал головой тот и сплюнул с

досадой на пол, отступая. – Сколько гонорейщика от похоти не лечи, а у него все равно только трах на уме!

– Дурак ты, Макс! – подтвердил Миша, с печалью глядя на моего бывшего одноклассника. – Я тебе столько объяснял! И Колин живой пример у тебя перед глазами! А ты! Не учишься ничему! Жаль...

– Да-а, Максик! – осуждающе протянул Степаныч. – Удружил ты нам! Столько работы псу под хвост! Чем ты вообще думал? А? Нам же теперь прохода не дадут! Приведет Сыч всю свою кодлу мастевую, да прикончат они нас тут не особо разбираясь! Ну, ты и баран!

– И шо теперь делать? – проямлил Максим, потупившись. – Вы-то тут не при чем! А мою квартиру менты опечатали...

– Шо перделать, шо перделать! Так тебе и надо, дураку! – зло выдохнул Степаныч. – Лучше бы тебя, Сыч чем-нибудь по башке приголубил! Куда нам теперь деваться прикажешь, а? Если он докопается и тебя с нами свяжет? Ты-то, сам по себе, холостой, на хер никому не нужный, – уехал куда подальше, затаился и поминай, как звали! А мне с семьей, куда теперь деваться? А?

Он снова шагнул к Максиму, сжимая свои пудовые кулаки. До запаса Степаныч служил на Черноморском Флоте главным корабельным старшиной на малом разведывательном корабле. Я думал он врежет ему от души, но хозяин гаража сдержался. Отвел уже поднимающуюся руку, сплюнул со

злостью еще раз и вернулся к верстаку.

– Что будем делать? – хмуро обратился он к Мише. – Сами того, не желая, благодаря этому идиоту мы поставили на кон все наши жизни. Да что там! Жизни своих родных! Вот в чем беда! И отступить уже нельзя...

– Что делать, что делать... – пожевал губами тот, задумчиво глядя на Макса. Посидел неподвижно секунду и повернулся ко мне. – Сначала сделаем тестирование Ивана Васильевича, как и собирались, а потом и решим! Максим, скрытый ты наш! А когда дело было-то?

– Вчера! – буркнул тот, зыркнув исподлобья на Степаныча. – Вечером...

– Ну, сегодня его вряд ли выписали, – рассудительно предположил Миша, тоже взглянув на старшину. – Может быть, и завтра еще подержат. А вот послезавтра, я подозреваю, Макса тут быть уже не должно! А еще лучше – сегодня! Иначе и нам всем срочно съезжать придется, если успеем. И сразу предупреждаю – у меня никакого другого жилья, кроме бабушкиной квартиры нет! Так что, вы пока подумайте, как дальше быть, а я Иваном Васильевичем займусь!

– Не-е! – отказался я. – Так не пойдет! Вы сами в проблемах, как кобель во вшах, и меня втянуть хотите? Нет уж! Меня моя жизнь вполне устраивает, и я в бега подаваться не собираюсь! Так что, как-нибудь без меня!

Я встал и направился к выходу.

– Удачи!

– Так Сыч с тебя и начнет! – схватил меня Макс за рукав, опасно глянув в сторону Степаныча. – Он же только тебя видел, после того как я попытался доступ к его характеристикам получить!

– А, я ему и расскажу, как все на самом деле было! – вырвал я со злостью руку из его цепких пальцев. – Тебе-то уже что? Все равно ты в розыске и квартира опечатана! Чего тебе терять? Смоешься куда-нибудь, как Степаныч сказал, и все! А мне тоже бежать некуда! Так что, давайте уж как-то без меня! Пока!

Я отодвинул задвижку, открыл ворота и вышел. На улице было уже совсем темно. Ни фонарей, ни Луны. Так и шею свернуть недолго! Однако добрался домой без происшествий. Принял душ, перекусил вчерашней «лазаньей пофлотски» и завалился спать, с трудом выбросив из головы весь ералаш последних суток.

IV

На следующий день работы оказалось невпроворот, хотя и занимался я только одной единственной машиной. Кабриолетом длинноногой крашеной брюнетки с ярко – алыми наколотыми ботоксом губами, периодически бросающей на меня из окошка комнаты для клиентов на втором этаже, недвусмысленные многозначительные взгляды. Полностью менял в ее еще не старом «Шевроле Камаро» все по ходовой: амортизаторы, тормозные диски, втулки и тяжки стабилизатора, подшипники и сайлентблоки. Вот скажите, пожалуйста, – машине всего-то пять лет, – как можно было за это время так ходовую убиндошить?

А может быть, ей машину уже в таком виде подарили? Вот то, что сама купила, в жизни не поверю. Такие... С такими... Короче! Не покупают. Такие отработывают. Авансом. Похоже, не повезло ей – «папик» жадный попался. Совсем изъезженную пятилетнюю рухлядь подарил. Или эта холеная фи-фа, словно сошедшая с обложки модного глянца, по его мнению на лучшую пока не тянет? Так сказать, еще не все глубины своих талантов ему открыла.

Примерно так вот размышляя, я и работал, иногда поглядывая вверх, не буду кривить душой. Хоть и кукольная стервочка, а все равно приятно, когда ты кому-то нравишься. Вот и поглядывал исподтишка изредка, пытаюсь по-

нять способ мышления этих странных существ со смещенным центром тяжести. Вот нафига я ей сдался? Был бы качок какой-никакой блондинистый, с бицепсами – трицепсами и кубиками пресса, тогда бы и понятно. А так, ни на животе пресса, ни в кошельке. Комбинезон рабочий, чистый правда, но не на него же эта красотка запала?

Не зря я не стал ей глазки строить и сердечки из пальцев крутить, как она мне. Ой, не зря. Приехавший заплатить за ремонт бритоголовый папик, – надо сказать, походу совсем непростой мужик, ну очень уж подозрительно на меня смотрел. А я че? Я ниче! Ответил ему чистым взглядом невинного младенца. С некоторым даже подобострастием при виде его, доступного мне только в мечтах, такого красивого пресса. Бабла, я имею в виду.

Да-а. Такого у меня нет и, наверное, и не будет. А когда я еще чистой ветошью по рулю при нем прошелся, и ручку на водительской двери аккуратно протер от своих пальчиков, он вообще потерял ко мне интерес, ткнув две пятитысячных купюры в нагрудный карман моего комбинезона. Я вежливо поблагодарил и с достоинством удалился, наблюдая в стекле офиса продавцов автомобилей, как его отражение провожает меня внимательным тяжелым взглядом.

К чему бы это? Надеюсь, я никакую заразу в гараже у Степаныча не подхватил? С их непонятными видимыми характеристиками, кодами доступа в мозги и прочей компьютерной мистикой.

В этот раз трамвай приехал сразу. Ясное дело, – я же не тороплюсь никуда.

Во дворе на удивление никого не оказалось, даже пропивавшихся на лавочке у подъезда пенсионерок – шпионок.

Принял душ, поломал голову, чего приготовить в этот раз, и ничего не надумав, поджарил четыре яйца с двумя сосисками. Включил телик. Как всегда, – на какой канал не переключи, – три минуты чего-нибудь толкового, чтобы заинтересовать, и тут же начинается реклама минут на двадцать. Пощелкал каналы туда – сюда и выключил. Надоело про памперсы от насморка и прокладки от перхоти слушать. Притомили...

В начале девятого маяться бездельем осточертело окончательно, и я решил пораньше лечь спать. Уже и разделся, и зубы почистил. Но тут кого-то на ночь глядя нелегкая принесла, – в дверь позвонили. Снова Макс и Степанычу неймётся?

Как был в трусах, так и пошел посмотреть.

– Кто?

– Открывай, брателло! – донеслось из-за двери. – Свои!

– Кто? – еще раз переспросил я. Нет у меня здесь «своих».

Так поздно ко мне знакомые не ходят.

– Открывай, Ваня! – попросили с той стороны голосом

Сыча. – Открывай, дорогой! Поговорить надо!

Вот как? Значит, не так уж все и страшно с его головой?

То-то его так неожиданно быстро из больницы выписали.

Что ж. Поговорить, так поговорить. Никаких контр у меня с ним нет, так почему бы и нет? Я, недолго повозившись с дурацким замком, открыл. Стоило тому только щелкнуть, дверь резко отворилась и, отталкивая меня в сторону, в квартиру ворвался здоровенный бугай. Бросил на меня грозный взгляд из-под низкого лба и ринулся заглядывать во все комнаты, не пропустив и ванную.

– Его здесь нет! – сообщил он, выходя из кухни. Сыч, не обращая на меня внимания, тоже уже прошел в коридор. Нос его был заклеен пластырем, а под глазами синели желтея лиловые отеки.

– Где он, Ваня? – болезненно и недобро прищурился предводитель местного криминалитета.

– Кто? – все-таки решил уточнить я, прекрасно понимая, о ком идет речь.

– Дружок твой конченный! – Сыч подошел вплотную и уперся взглядом мне в переносицу. – Макс, козляра...

– Откуда ж мне знать, Петрович? – как можно убедительнее пожал плечами я. – Мы с ним не общаемся!

Сыч слегка качнул головой, чуть сдвигаясь в сторону и в тот же момент, мне в челюсть прилетел неслабый прямой удар от бугая, стоящего за его спиной.

«Так вот сразу?» – недоуменно пронеслось в моей голове, пока я летел и приземлялся. – «А еще поговорить?»

Но походу, разговаривать со мной никто больше не собирался. Не успел я подняться, как подельник Сыча подскочил

и ударил меня ногой в живот. Очень больно. Спазмом свело все внутренности, как бы не отбил чего.

– Не знаю я, где он! – просипел с трудом, корчась на полу от боли. – Не знаю!

– Бреешь! – утвердительно произнес Сыч, присаживаясь рядом со мной на корточки и беря за шею рукой. Я попробовал вырваться, да куда там!словно в тиски горло зажали! Сыч, синим от наколок кулаком другой руки, ударил, целясь в нос с явным намерением сломать его, но я дернулся, чувствуя, как загрубевшими костяшками его пальцев пластом сдирается кожа со щеки и наблюдая разлетающиеся, как в фильме про момент Большого Взрыва по «Дискавери», яркие звездочки в глазу. Мне резко поплохело.

– Бреешь, гаденыш! Бабульки у подъезда видели, как вчера, сначала он в гаражи ушел, а потом и ты следом проскользнул! Так что, Ванюша, я слушаю внимательно! И только от твоего правильного поведения зависит, сегодня ты отправишься червей кормить, или еще малехо позажигашь! Усек?

Сказать ему мне реально было нечего. Озвучивать байки про компьютерных глистов, я тем более не собирался. Не тот Сыч человек, чтобы на такую муть купиться, заинтересовавшись, и меня отпустить подобру-поздорову. Даже и не знаю... Степаныча сдавать тоже я не собирался, – у него действительно семья большая, трудно им придется, если с ним чего станется. Миша? Так он вообще к Сычу никаким бо-

КОМ. . .

– Приходил он ко мне, сразу после того как тебя увезли, – решил признаться я и попытался подняться, но Сыч снова не дал, придавил сверху коленом. – Я его послал! И он ушел! А в гаражи я так просто ходил. По делу. Дмитрий Олегович из второго подъезда просил глянуть, что там с его «Волжаной»! Честно! Никакого Макса там я не видел!

Олегович действительно просил меня когда-то посмотреть, можно ли чего сделать с движком, который уже набегал за двести пятьдесят тысяч, чтобы недорого. Я посоветовал ему не мешать машине ездить, пока та не ломается. Он тогда еще посмеялся, что и бабу, мол, если ломаться не начала, тоже баловать не надо. А начала, – лучше другую найти, не балованную. Так что, если Сыч и поинтересуется, тот скажет часть правды, озвученную мной.

– Не хочешь, значит, по-хорошему? – ухмыльнулся Сыч и ударил меня в лицо еще раз так, что я на несколько секунд потерял сознание. Придя в себя, решил этого не показывать. Меньше бить будут. И с удивлением ощутил, что руки мои и ноги связаны. Когда успели сволочи?

Сыч подозрительно посмотрел на успокоившегося меня и обернулся к подельнику. – Хмурый, а дай-ка ту фигню, что Меркури выдал. . .

Я следил за ними сквозь закрытое веко одним глазом. Второй и прикрывать не надо было. Сам затек.

– А, может, его просто – того. . . – предложил бугай, доста-

вая из висящей на поясе сумки – «банана» небольшую коробочку и пинцет. Протянул их Сычу. – Он же для другого дела давал...

– Придержи! – приказал тот. – Чтобы не сильно дергался, если очнется... «Того», всегда успеем! А насчет дела? Помнишь, что Меркури сказал? Нужно найти недавно появившуюся команду хакеров. Лезут козляры туда, куда не просят. И Контроль, то же самое пел. Чуйка у меня, понял? Этот терпила нас и на Макса, и на них выведет...

– А если он наоборот спугнет? – предположил бугай, наваливаясь на мои плечи.

– Не спугнет! – заверил Сыч, открывая коробочку и пинцетом извлекая оттуда какую-то шевелящуюся, всю в полупрозрачных тонких ниточках гадость, напоминающую семечку – пушинку, – мы такие в детстве «письмами» называли.

– Меркури божился, что к утру, он и как его зовут, не сразу вспомнит...

Мне сразу не понравилась эта белесая стоножка, – слишком мерзко лапками перебирала. И я, перестав изображать из себя потерянного, начал вырваться с утроенными усилиями. Но не тут-то было. Держали они меня крепко, основательно придавив к полу всеми совместными тремястами кило веса. А бугай еще и своим каменным лбом приложил так, что звездочки в глазах снова полетели.

Когда резкость слегка восстановилась, я увидел, как Сыч

опускает эту каракатицу мне в ноздрю, и почувствовал ее щекочущее неторопливое движение вверх по слизистой. Три раза яростно чихнул, но та гадость уверенно поднималась, пока не появилась сначала нестерпимая чесотка, а затем пекущее жжение где-то за глазами. Снова выпал на мгновение из сознания.

Когда в очередной раз вернулся в действительность, бугай уже слез с меня, а Сыч внимательно вглядывался, стараясь поймать мой ошалевший взгляд.

– Ментам ты чего наплел? – поднялся он с корточек, отпуская меня. Будто и не делал со мною только что ничего, сильно смахивающее на опыты сумасшедшего профессора.

– Ничего не наплел! – открестился я, мотая головой и пытаясь встать. Забыл про связанные скотчем руки и ноги. Вот уж бесовское изобретение!

Сыч достал из кармана нож – раскладуху и разрезал путы.

– Никуда он уже не денется! – пояснил удивленному бугаю свои действия, и снова мне: – Так что?

Я поднялся.

– Сказал им, что не видел ничего! – я дотронулся до обильно кровоточащей щеки. До мяса рассек, сволочь! Зашивать, наверное, придется! – Когда вернулся за сигаретами к столу, смотрю, а там ты! Вот я скорую и вызвал! Что ты в меня запихнул?!

– Так это ты подсуетился! – уже не так враждебно глядя на меня, констатировал Сыч, пропуская вопрос мимо ушей. –

Что ж, спасибо! Но все равно, извиняться не буду!

Он указал на мое лицо.

– В следующий раз будешь знать с кем корешаться! А козляру этого, как только увидишь, сразу мне маякни! Я в долгу не останусь! Усек?

Я молча кивнул.

– Хотя, если куратор не соврал, и ты будешь теперь весь из себя шелковый, и твои дружки как на ладони! Ну-ка! Сидеть!

Я почему-то уселся прямо на пол посреди коридора. Очень мне захотелось сделать Петровичу приятное.

– Гляди-ка, действует! – удовлетворенно констатировал Сыч, ухмыляясь. – Не соврал умник! Встать!

Я поднялся.

– Жить по своему распорядку! – Сыч махнул рукой своему подельнику, мол, пошли.

Я помахал на прощанье, счастливо улыбаясь вслед дорогим гостям.

Внезапно, незапертая дверь открылась, и раздался жизне-радостный голос Макса:

– Ванек! Ты шо не приходишь? Мы со Степаньчем поспорили... – тут он вошел и, соскочив со своей волны, наконец-то увидел зловеще ухмыляющегося Сыча и его дрессированную гориллу. – Придешь ты или нет...

– На ловца и овца! – довольно потирая ладони, срифмовал Сыч. – Заходи терпила, покалякаем за жисть и за смерть!

Надо отдать должное Максиму, – не смотря на все его реальные и мнимые недостатки, трусом он не был. Иногда до безрассудства. Это я знал с детства. И сейчас он не растерялся. Только зрачки недобро сузились, и подобрался весь, словно какой-нибудь бульмастиф на боевой арене перед броском.

Бугай протиснулся перед Сычом, чтобы за шкварник затащить Макса в квартиру. Что они с ним сделают потом, я даже думать не хотел. Судя по настроению братков, ему стопудовый капец. А если они это сделают тут, то и мне, скорее всего тоже, не смотря ни на что.

Макс, мельком взглянув на мое разбитое дебильновато улыбающееся лицо, видимо хорошо осознал, что одними разговорами дело не закончится, и выводы сделал моментально, думаю точно такие же, как и я, а потому стал действовать решительно. Это мне потом понимание пришло, когда я в спокойной обстановке прокручивал события этого вечера.

– Входящий запрос – зеленый, желтый, смещение ноль! – снова произнес Максим ту непонятную фразу, звенящим от напряжения голосом. Не знаю, возможно в прошлый раз он что-то и другое говорил. Я не особо вслушивался и тогда, и сейчас.

Оба братка застыли, закатывая глаза, и хором продребезжали:

– Запрос принят! – и еще через пять секунд. – Доступ разрешен!

– Протокол поведения – шестнадцать бис! – выдал Макс еще одно непонятное словосочетание.

Видимых изменений не произошло, только глаза парочки остекленели.

– Я сейчас! – сообщил одноклассник, выходя на площадку и закрывая за собой дверь. – Я быстро! Никуда не уходи!

Да уж, уйдешь тут. Я повернул ключ в замке и поплелся в ванную, покосившись на застывшую скульптурную группу и пытаюсь привести скачущие мысли хотя бы в относительный порядок. Глаза чесались изнутри невероятно. Что это сейчас снова произошло?

Из зеркала на меня посмотрела образина добровольца, по дурусти своей согласившегося стать на время тренировки грушей Майка Тайсона. По крайней мере, она бы так выглядела, наверное.

Слава богу, хотя бы щеку шить не надо. Глубокая ссадина, и все. Морщась, обработал ее перекисью водорода, представив, как будет выглядеть шрам.

Да уж... Не очень героично. Слишком широкий. Без такого истинно мужского украшения, я бы уж как-нибудь обошелся. Да ладно, не было бы чего похуже. Как там Сыч сказал про кормушку для червяков? И что же он, сволочь, мне в голову подсадил?

Скула болела терпимо, хуже дело обстояло с заплывшим глазом. Очень болел. И отек на пол лица пошел. Лоб тоже вздулся подушкой будущей гематомы. Не физиономия, а

зомби-апокалипсис какой-то.

Отбитые внутренности тянуло, изредка подергивая. Даже идти не очень получалось, только скрючившись. Тварь уголовная! Ни за что, ни про что! Надо было бросить его там, чтобы кровью истек, урод! Но что-то мне подсказывало, – не смог бы я так поступить. Не то воспитание. И характер не тот. Зря, наверное...

Тренькнул звонок на входе. Я поплелся открывать, снова с изумлением покосившись на окаменевших бандитов. Повернул ключ и, не глядя, – я был уверен, что там Макс, толкнул дверь и почапал назад.

– Вот это сюрреализм! – прозвучал за спиной удивленный голос Виктора Васильевича. – Извиняюсь, а кто автор композиции?

Я обернулся ошеломленный, – надо же так попасть впро-сак! Твою ж кочерыжку! Только свидетелей нам еще и не хватало! Тля!

– Нифига себе! – воскликнул неожиданный гость, закрывая дверь и протискиваясь мимо задеревеневшей парочки. – Да это же капитан Бублиев! Он же Кроманьонец, он же «Три по двести, под сиськи в тесте!» Большой почитатель Саши Лаэртского, насколько я знаю. Не слышал про такого? А второй – господин Сыч, живой и здоровый... Это они тебя так?

Он указал на мою расплывшуюся физиономию. Я молча кивнул.

– А, за что, если не секрет? – поинтересовался он. – Ва-

лерьянка есть?

– Зачем? – не понял я.

– Морду лица намазать! Проверенное боксерское средство от отеков и синяков! – пояснил он.

– Не-е! Не держу такого, – с сожалением признался я, одновременно удивляясь его странной сдержанной реакции на увиденное. Вроде как, он не нечто необъяснимое наблюдает в виде двух застывших тел, а действительно гипсовые копии созерцает с видом истинного ценителя и потому, совершенно не парится по поводу степени их живости.

Или он уже видел нечто подобное?

– Жаль! – констатировал отставник. – Вижу, ты уже обработал перекисью?

Я снова молча кивнул, ожидая продолжения.

– Вот и молодец! – похвалил он меня, без спроса заглядывая в зал и направляясь в спальню. – А где остальные участники марлезонского балета? Или я ошибся, и ты сотворил это с ними сам? Как? Специальные точки? Боевая акупунктура?

– Не пойму, о чем Вы? – пожал плечами я, ощущая накачивающую слабость.

Он недоверчиво улыбнулся и заглянул мне в глаза.

– Ваня – Ваня! Я же спрашивал тебя! И что ты мне сказал? Зачем было врать? Сейчас бы не стоял пчеловодом – любителем, – рожа пухнет, меда нет!

– Нечего мне тогда было сказать! – признался я, понимая,

что Васильевич про все это безобразие знает намного больше меня. – Словесный понос Макса я не запомнил! Знаю только, – он названия каких-то цветов произнес! И все! Сыча клемануло. А потом он пропадать начал было, да не пропал, обратно стал таким, как был!

– И ты вызвал скорую? – не удивился моим откровениям Виктор Васильевич. – Цветов?

– Цветов, – подтвердил я. – Желтый или зеленый...

– А-а! – понятно протянул он. – А я уж было подумал, ромашки – лютики какие. Ясно! Что еще?

– А что еще? – развел руками я. – Вроде бы, все! Сыч упал лицом в стол, кровь сердечком натекла...

– Как ты говоришь? – хмыкнул он. – Сердечком?

– Сердечком! – подтвердил я, недоумевая. Какая нафиг разница, – сердечком или, скажем солнышком?

– Сердечком... – задумался странный, не в меру осведомленный в реалиях непонятных для меня событий отставной военный. И военный ли? Очень я в этом теперь сомневаюсь! – Интересно...

Он посмотрел на меня каким-то странным взглядом и предложил:

– Знаешь, что? А давай-ка, пока твои друзья будут репу чесать и думать, что вам с Сычом и его шестеркой делать, я тебя осмотрю, и мы чайку попьем? В кровать до их прихода ты все равно не ляжешь, как бы ни хотелось. А? Я так думаю, – мы успеем...

Я уже устал удивляться и поэтому просто показал ему на дверь кухни, предлагая пройти первым.

– Как мне завтра с таким-то лицом на работу идти? – посетовал я, когда он закончил со щекой и смазывал мне лоб жидкостью из плоской бутылочки, которую достал из небольшой сумочки для документов, висящей на ремешке через плечо.

– На рабо-оту, на раа-бооту... – тихо пропел Виктор Васильевич, заканчивая процедуру. Задумчивость прочно вцепилась в него. – Есть два варианта: пойти на работу и не идти на работу...

Он осторожно покрутил моей головой еще с полминуты, осматривая со всех сторон, и предложил:

– Почему бы тебе не взять больничный? Я тебе подскажу к кому подойти в поликлинике.

– Там не захотят! Забоятся! Скажут только через травм-пункт! – поставил я его в известность. Хотя, может быть, в ведомственных поликлиниках все по-другому? – А те поли-ции сообщат, а я не хочу. После того как ввели эту дурацкую электронную базу...

– Базу? – усмехнулся отставник. – Базу... Хреназу... Я же сказал, – я скажу к кому обратиться!

Он окинул взглядом кухню, что-то высматривая.

– А еще эта пушинка в носу...

– Какая? – встрепенулся странный отставник.

Я коротко рассказал.

– Что ж ты сразу-то с этого не начал?! – в сердцах уко-

рил он меня, доставая из сумочки моток проводов. Распутал его и без разговоров надел мне на голову. Получилась этакая металлическая сеточка для волос. – Тебе не в поликлинику, тебе в другое место надо, Ванечка! Ладно, распетляем здесь, я тебя отвезу! Пока еще не горит и время есть. Часов пять – шесть. Кстати, а печенья нет? Не рассчитал я с таблеткой. Сахар у меня понизился. В груди сосет...

– Только «Сникерс», – я поднялся и открыл выдвижной ящик под поверхностью рабочего стола. – Будете?

– Буду! – согласился он вздохнув. – Шоколад, не очень хорошо, ну да ладно!

Я отдал ему батончик и сел на свое место.

Коротко тренькнул входной звонок.

– Вот и ваши друзья! – улыбнулся Виктор Васильевич, откусив кусок шоколада и поднимаясь. – Пойдемте встречать?

Я прошел к двери, протиснувшись мимо деревянных бандитов и, в этот раз уже глянув в глазок, открыл дверь. Незваный гость остался стоять в дверях кухни.

– Это мы! – оскалившись, что видимо должно было обозначать улыбку, сообщил Макс, вваливаясь в коридор и приглашая еще кого-то. – Заходите!

За ним следом в квартиру вошли Степаныч с Колей и угрюмый Миша.

V

Товарищи Макса не сразу заметили присутствие в конце коридора бывшего военного. Сначала они вдоволь налюбовались скульптурной композицией «Овца удивила ловца, или братки в шоке», переругиваясь и сетуя на то, что теперь сто процентов в бега придется подаваться всем и мне тоже. Затем сочувственно поцокали языками, теперь уже изучая мое уничтоженное лицо. И только потом бывший главный старшина, увидел спокойно стоящего в сторонке отставника.

Надо сказать, его неожиданное появление особого видимого ажиотажа не вызвало, по крайней мере, у Степаныча.

– Привет, Васильевич! – он неторопливо подошел и протянул тому руку, кинув взгляд через плечо на молодежь, озабоченную, кроме обсуждения как поступить с предметом прикладного искусства и неожиданным присутствием нежелательного свидетеля, еще и наличием на моей голове металлической сетки. – Не думал тебя здесь встретить!

– А уж я-то как не ожидал, что и ты в это дерьмо влезешь! – ответил тот на рукопожатие, с веселым прищуром спокойно откусывая кусочек шоколада. – Ты же, старшина, – сама рассудительность и предусмотрительность!

– Не по собственной воле! – вздохнул Степаныч, скривившись. – Спасибо зятю! Не списывать же было его на берег подчистую! Свой уже, вроде как. Пришлось впрячься! А ты

давно про нас догадался?

– Недавно. Только пару дней назад пазл окончательно сложился, – признался Виктор Васильевич, пряча остатки «Сникерса» в сумку. – Заплаканные глаза Леночки, ваши заговорщицкие лица с вечерними собраниями в гараже, и направленная антенна Wi-Fi на нем. Сын Кучерявого, – Михаил же к нему ходил? Только не пустили его в палату с ноутбуком. А дальше, проще. Банальное наружное наблюдение...

– Так ты за нами следил? – даже не удивился Степаныч.

– Есть такое дело! – согласился отставник и указал на задеревеневшую парочку, а затем на меня. – И судя по ним, вам всем крупно повезло, что так пристально пока это делал только я. Ну, рассказывайте! А то времени не так уж и много, – мне Ваню надо к врачу отвезти.

Степаныч коротко глянул на меня.

– Я так понимаю, – синяки да ссадина, не самая главная причина?

– Правильно понимаешь! – согласился отставник, не став углубляться.

– А с этими чего делать? – Степаныч ткнул большим пальцем правой руки через плечо в сторону Сыча и К⁰. – Я не очень понимаю во всем этом, у нас Михаил за главного. А он сказал, что стан продержится всего три часа, если его не обновлять постоянно.

– Тут я вам не советчик! – нахмурившись, признался Виктор Васильевич, поманив рукой Мишу. – Наоборот, теперь

многому у вас учиться буду! С такой природой воздействия на организм я пока не встречался. Привет, Михаил! Это же не гипноз и не акупунктура?

– Нет! – настороженно подтвердил тот, подходя.

– Что же тогда? – бывший военный бросил пыливый взгляд на хакера.

– Прямое обращение к волновой матрице, – немного замешкавшись, сообщил тот. – Но она не у всех активируется. Если надо проверить вероятность, можно тест пройти...

– То есть, такое вот сотворить с первым встречным не получится? – уточнил он. – Надо создать предпосылки?

– Они сами создаются у людей с повышенной нервной возбудимостью, и с еще большей вероятностью у людей с лудоманией. Азартных игроков, игроманов... – пояснил Миша и зачем-то полез за пазуху. – Особенно у тех, кто сутками зависает в этой новой игрушке – «Earth Defenders». Там получается так, – у них в мозгу создается устойчивый нейроконструкт...

– Ты меня извини! – перебил Виктор Васильевич с сожалением. – Я очень хочу разобраться в теории и все понять, но время очень сильно поджимает! Мы с тобою поговорим немного позже, уже этим утром! А сейчас скажите, что у вас в гараже? Какое-то спецоборудование?

– Да нет... – стушевался Миша, пряча обратно за пазуху или огромный смартфон, или маленький планшет. – Откуда? Ничего особенного. Компьютер, виртуальные очки...

– И все? – весьма удивился отставник. – А как же ты работаешь с этими... Конструктами?

– Там программная часть, – просветил его Миша не очень охотно. – Код играет основную роль. А очки нужны только для интерпретации последовательности команд в сигналы доступные для восприятия мозгом.

– Копии программы есть? – глаза Виктора Васильевича заметно округлились. Как по мне, так хакер рассказывал совершенно непонятные вещи, но тот, если и не понял, о чем речь, то не показал этого и видимо решил не слазить с Миши, пока все, что ему нужно узнать не выдавит. Не сейчас, так позже. – Кто еще знает?

– Никто... – коротко дернул плечами Миша. – Только я! Копия всего одна.

– Где она? – бывший военный весь подобрался. Надо же, ночь на дворе, а из него энергия так и прет! – Да не бойся ты, Михаил! Я же только помочь хочу! Будь по-другому, разве я разговаривал бы с вами? Позвонил куда надо, и поминай, как звали! Вас всех...

– У меня в голове... – все-таки выдавил из себя признание Миша.

– Как это? – не понял отставник. – В смысле, ты на память знаешь код?

– У меня сформирован свой конструкт, – нехотя сообщил Ботан, жестом уставшего человека помассировав глаза. – Это нейронная среда разработки...

– Тебе кто-то что-то вживил в мозг? – искренне поразился Виктор Васильевич. – Кто? Что?!

– Нет! Зачем? – в свою очередь удивился Миша, которого этот разговор уже явно начал напрягать. – Там совершенно другие принципы! Никакого физического вмешательства...

Бывший военный задумался. Было видно, – он явно ошеломлен информацией, неожиданно полученной от хакера.

– Значит так! Я слышал краем уха, – вы в бега собирались? – обратился он сразу ко всем спустя десяток секунд. – А с этими кадрами, что решили сделать? Убрать?

Он оценил реакцию компании на его предположение. Одних смущенных лиц хватило.

– Да, вижу, чистильщики из вас еще те! Что же тогда? В этом вашем «стане», держать их в гараже? Бесполезно! Как вы понимаете, они здесь не сами по себе. И если Сыч на вас еще не успел выйти однозначно, то те, кто его послал, рано или поздно на вас выйдут обязательно! Скорее, – первое.

– Какие предложения? – быстро сориентировался, к чему тот клонит, Степаных.

– Предложение простое. Не бежать, куда глаза глядят, сжигая за собой все мосты, а вроде как в командировку отправиться. Не привлекая внимания заинтересованных лиц и не афишируя вашей общности. Пока все не уляжется. – Виктор Васильевич обвел всех внимательным взглядом. – Не хочу пугать, но это не тот случай, когда просто так оставят интересующих их людей в покое. Потом, в свое время расска-

жу.

– А с семьями как? – спросил Степаныч, даже не поинтересовавшись, что это за командировка такая и на кого работает Васильевич, куда ехать и что это за неизвестные, которые могут охотиться за нами.

– Вместе с семьями, – решил тот, подумав секунду. – Есть одно место. На свежем воздухе. Будем считать, что у вас всех отпуск!

– В принципе, устраивает, – согласился старшина, заручившись кивками и пожиманиями плеч Макса с Колей. Я не отреагировал никак, – мне почему-то было все равно. – Мы с женой на пенсии, Коля и Макс не работают. А Ленка и так в отпуске. У Миши в университете каникулы, остается только Ваня.

– С ним я решу! – пообещал Виктор Васильевич, бросив на меня вопросительный взгляд. Я даже и возражать не стал. Мне было просто пофиг. Кружилась голова и сильно тошнило. Я думаю, и остальным было бы все одного места, если бы эти два уroda им физиономии расквасили до состояния стейка по-английски с кровью. Когда братки придут в себя, можно и не надеяться, что они спустят ситуацию на тормозах. Выловят и урюют всех поголовно, стопудово. Поэтому я – «за». Хочется, все-таки еще позажигать малехо, как Сыч выразился, а не червяков кормить.

– Если никто не против, – идите, собирайтесь! – предложил отставник. – Только Михаил, этот, как ты сказал? Стан?

Обнови его на этих красавчиках, на всякий случай! За ними скоро приедут. Он достал из сумочки телефон и набрал номер.

– Я против! – неожиданно подал голос задумчивый Миша.

– Почему? – удивился Виктор Васильевич, и затем в трубку, – видимо там ответили: – Да. Это Яновский. Нужна услуга по доставке животных. Две собачки. Да. У подъезда.

Он спрятал мобильник и поинтересовался у Ботана:

– Тебя не забирать? Или бабушку не с кем оставить? Так мы ее тоже можем пригласить!

– Нет! Не в том дело! – упрямо мотнул головой хакер. – Я не поеду, пока не буду уверен в том, что вы оба, – Ваня и Вы, не находитесь в группе риска! Люди, которые встретятся там, куда Вы предлагаете нам перебраться, – это отдельный вопрос, это будет позже, – там, на месте. А вы – я должен доверять вам уже сейчас!

– И что для этого надо? – поинтересовался Виктор Васильевич, неожиданно серьезно восприняв желание и опасения Миши. – Только учти, пожалуйста! Мы очень сильно ограничены во времени! Очень!

– Ничего особенного! – заверил Миша, улыбнувшись. – Вам просто надо пройти мой специальный тест в гараже у Степаныча! Это не долго! По пять минут на каждого!

– Что ж, я не возражаю! – согласился отставник, вопросительно глянув на меня. – Что скажешь Ваня? Выдержишь?

Я только плечами пожал, мол, мне все равно. Мне и дей-

ствительно было по барабану. Я уже начинал кратковременно – на доли секунды, на мгновения, выпадать из реальности. Больше всего мне хотелось, чтобы все пошло к черту и забрали с собой деревянных братков, а я завалился спать. Бог даст, проснусь. А утро вечера мудренее...

Однако поспать мне не дали, изверги. Потащили под вялы рученьки в гараж.

Пока мы туда плелись, Виктор Васильевич успел отлучиться и, догнав нас уже на входе, сообщил:

– Сыча с дружкой забирают. Дальше они, – не ваша забота! Но расслабляться не стоит. Уверен, что они не занимались самодеятельностью. Скорее всего, кто-то из их начальства в курсе, кого они должны были сегодня навестить. Дальше продолжать?

– Не стоит! – отрицательно покачал головой Степаныч. – Все ясно!

– Можете собираться спокойно, – удовлетворенно кивнул головой бывший военный. – Несколько часов есть. Я Ваню отвезу на место и вернусь за вами. К утру успею.

– На чем поедем? – решил уточнить на всякий случай Степаныч. – Каждый на своей?

– Все твои – на твоей «пятерке», – подтвердил Виктор Васильевич. – Пошумите слегка, сделаете вид, что на море едете на пару – тройку недель... Так меньше вопросов у соседей возникнет. Хорошо бы еще попросить за квартирой кого-нибудь присмотреть для правдоподобия. Мишу с бабушкой и

Макса я заберу отсюда, из гаражей. Часов в девять утра, чтобы были готовы!

– Не захочет она! – покачал головой Ботан. – Вряд ли я ей смогу объяснить, зачем ей куда-то надо ехать.

– Ладно, я сам с ней поговорю! – задумчиво почесал щеку Васильевич. – Скажу, что путевка, горящая есть по линии собеса в пригородный санаторий. Такой вариант может сработать?

– Не знаю, – пожал плечами он. – Все может быть. Вас она уважает...

– Васильевич, а ты в каком отделе работал? – тихо поинтересовался Степаныч, отведя отставника в сторону, пока Миша готовил компьютер и меня усаживали в кресло.

Тот недолго подумал, стоит ли откровенничать, но все-таки ответил вполголоса:

– Психофизической защиты.

– А разве был такой в «конторе»? – так же тихо усомнился тот.

– Был, – коротко подтвердил Виктор Васильевич. – При четырнадцатом управлении.

– А о чем там? В четырнадцатом? – почесал в затылке бывший старшина. – Третье – военная контрразведка, семерка – наружка...

– Медицина и здравоохранение, – усмехнулся бывший военный. – И не только...

– Ваня, готов? – Миша аккуратно оттянул надетую на мое

лицо полумаску, чтобы не потревожить заклеенную ссадину и с извиняющейся физиономией заглянул в мой единственный работоспособный глаз. – Я включаю, не переживай – процедура отработана и проверена не единожды! Еще раз, извини!

– Включай уже! – устало взмолился я. – Пока я не заснул прямо тут! Где вы взялись на мою голову? Хакеры – квакеры!

Он так же осторожно опустил дисплей обратно.

Сначала темнота взорвалась мириадами звезд. А затем просто пришла густая тьма.

Я, похоже, отключился. По крайней мере, мне показалось, что Миша снял с меня полумаску буквально тут же, через секунду.

– Все! – сообщил он, смущенно улыбаясь. – Полный порядок! Ты чист. Не азартен...

– А ты сомневался? – выдавил я, с трудом поднимаясь из кресла. Меня морозило. – Я и в домино-то, играл просто так, от нечего делать...

– Виктор Васильевич! Прошу! – пригласил Миша бывшего чекиста на освобожденное мною место.

Тут меня повело, и пока я падал, откуда-то из темноты всплыла бегущая неоновая строка: «Чекистов, бывших не бывает!»

Что-то со мною совсем не то...

Пришел в себя уже на раскладушке, стоящей в правом дальнем углу гаража.

Надо мною нависал Степаныч и медленно шевелил губами.

– ...езет, тебе надо ехать с ним! – прорезался звук.

Подошли Макс с Колей и помогли подняться. Подхватив под руки, потащили на улицу. Возле гаража уже стояла работающая «Хонда Цивик» с выключенными огнями. Ребята аккуратно сгрузили меня на заднее сиденье, подложили под голову надувную подушку, накрыли пледом и захлопнули дверь. Машина плавно рванула с места. Одновременно включились габаритные огни и фары. А я снова выключился.

Следующий момент осознания – белый потолок и яркий свет бестеневой лампы. Рука в тонкой голубоватой полупрозрачной резиновой перчатке накрывает маской для наркоза нижнюю половину моего лица. Беспокойство и страхи уползают в тянущийся куда-то круглый коридор, больше напоминающий плавно извивающийся зеркальный шланг изнутри. Утекают в искрящуюся белизну нечто, находящегося там, в конце, – очень холодного, но от этого не менее притягательного и желанного. Я всем своим дрожащим естеством стремлюсь туда.

Но меня не пускают. Полупрозрачные тонкие длинные нити, опутывающие мою голову и проникающие прямо в мозг, прочно удерживают и притягивают назад, туда, откуда они растут – к небольшому голубому шарикку Земли в седых клочках умирающих циклонов над океанами, медленно вращающемуся под моими ногами.

Ангел в белоснежных одеяниях и хирургической маске, полностью скрывающей его лицо, за исключением голубых блестящими льдинками глаз, появляется откуда-то из-за Луны и начинает отсекать их по одной, там внизу у Земли, своим огромным пламенеющим мечом. Он мечется от нити к нити, мечется бесконечно медленно и мне совершенно ясно – так ему ни за что не успеть! Вращающаяся планета наматывает нити на себя, очень быстро притягивая меня к поверхности. Я хочу крикнуть ему, что рубить надо здесь, у моей головы, все сразу! И я ору, что есть мочи, но крик замерзает на моих губах, облачком инея уплывая в окружающую тьму, безразлично мерцающую мириадами потерянных Творцом бриллиантов.

Ангел превращается в сплошное гудящее огненное лезвие, но я понимаю, – все тщета. Уже поздно. Поздно окончательно. Он не справился...

Я падаю в молочный туман влажных облаков и жду неминуемого последнего удара.

Потом, уже у земли, выныриваю из туч и оказываюсь в белой комнате. С бешено колотящимся сердцем, отдающим от светлых стен гулким эхом крика, на кровати под одеялом в белоснежном хрустящем от чистоты пододеяльнике. Вокруг нее стоят какие-то приборы со шлейфами проводов и трубочек. От перевернутой бутылочки, закрепленной в раздвижной штатив, в мою правую руку идет одна из них.

В проеме открывшейся в дальнем правом углу двери по-

казалось девичье лицо с русой челкой под бледно – зеленой косынкой на голове. Затем исчезло, а до меня донесся негромкий крик:

– Анатолий Георгиевич! Пациент пришел в себя!

Спустя минуту дверь полностью открылась, и в палату вошел высокий худощавый светловолосый и льдисто – голубоглазый мужчина в белом халате. Он подошел и, придвинув стоящий чуть в сторонке стул, присел, молча вперив в меня взгляд, принявшись внимательно разглядывать. Затем в палате появился Виктор Васильевич в накинутом поверх плеч белом халате и встал чуть в сторонке.

О-о! Счастье-то, какое, оказывается, когда оба глаза видят! Только повязка на лбу немного мешает. Нависает над бровями. А улыбка отставника, вставшего за спиной врача, почему-то раздражает. По картинке ползут какие-то ворсинки, мешая смотреть. Попытался сморгнуть, бесполезно. Не исчезли. Все-таки Сыч что-то повредил в них, сволочь!

– Вы меня слышите? – обратился ко мне врач. – Если да, и трудно говорить, просто прикройте веки!

– Слышу! – едва разборчиво выдавил я из себя.

– Вот и замечательно! – наконец-то улыбнулся он. – С возвращением!

– Да уж! – поддакнул довольный чекист. – Напугал ты нас, Ванюша! Если бы не Анатолий Георгиевич...

– Шесть минут клинической смерти! – подтвердил тот, щупая мой пульс. – И три дня комы. Операция оказалась

неожиданно сложной. Та штука, которую подселили тебе...

– Биоконтроллер, – вставил Виктор Васильевич.

– Да, биоконтроллер, – подтвердил Анатолий Георгиевич. – Я думаю, тебе стоит знать правду. Его рецепторы успели проникнуть в твой мозг настолько, что пришлось резать чуть ли не по живому. Но, вроде как все обошлось! С поверхности мозга мне удалось убрать их полностью. Чего не могу с полной уверенностью сказать о вживившихся внутрь. Точнее, не могу сказать на все сто, – есть ли они, вживившиеся. Я их не обнаружил никакими приборами, однако с таким видом симбионта я встретился впервые и могу ошибаться!

Я очень беспокоился, сможешь ли ты говорить и видеть, – зона Брока и зрительная кора левого полушария были поражены особенно сильно. Но раз можешь, – значит, все у меня вполне неплохо получилось! Так что, будешь жить – поживать и добра наживать! Иначе, – знаешь ли, морг не мой участок ответственности и вряд ли мы смогли бы познакомиться!

Да-а, не зря говорят – врачи самые большие циники! И шуточки у них такие же! Успокоил, называется, эскулап! И в полном успехе проведенной им операции, я тоже очень сомневаюсь! Не успел ангел, не успел, я видел...

Тем не менее, я жив! И смогу, по крайней мере узнать, что со мной будет дальше, и зачем все произошло именно так. Не спроста же, а? Черт! Я что, фаталистом умудрился стать, пока умирал? Не замечал раньше за собой таких мыслей...

– Спасибо... – только и смог выдать я.

Анатолий Георгиевич, почувствовав мое настроение, улыбнулся искренне, отпустил запястье моей не занятой капельницей руки и легонько похлопал по ней своей ладонью.

– Все будет хорошо! Пару неделек реабилитации, потом еще пару неделек наблюдения и все, – свободен как ветер!

– Ну, это мы еще обсудим! – предположил Виктор Васильевич, доставая из целлофанового пакета две белые пластиковые бутылочки, пару шоколадок, три яблока и пару бананов, и определил их на тумбочку возле моей головы, справа от кровати. – Йогурт, и так, ерунда всякая для радости и хорошего настроения! Выздоровливай!

VI

Не знаю, какие методики при проведении операции применял Анатолий Георгиевич, но не смотря на мой обритый наголо череп, тот на удивление оказался не разделенным на две половины, чего вполне можно было ожидать. Как он умудрился достать ту мерзкую гадость, которую запустил мне в носоглотку Сыч, не расколов голову напрочь, непонятно. Остались только несколько болезненных кружков, зарастающих розовой блестящей постоянно чешущейся кожей, сантиметра по два в диаметре. Что там под ней, я проверять побоялся. Вдруг кости нет и порвется?

Примерно на третий день у меня приключился первый приступ дикой головной боли. Она приходила редко, но всегда неожиданно и пронзительно. Вроде как кто рукою резко сжимал затылок, да так, что глаза выдавливал из черепа и смотреть ими не получалось. Кратковременные, но очень болезненные приступы.

А еще я начал видеть сны. О каких-то непостижимых фантастических местах. Других планетах, может быть, или других измерениях. Я так решил, потому что ничего подобного здесь, на Земле, ни происходить, ни быть не может. Или это просто проделки моего подсознания? Ведь только во сне можно бежать, оставаясь на месте, или наоборот, переноситься мгновенно куда угодно, стоит только действительно

захотеть. Выбегать в открытую дверь и оказываться в той же комнате, или медленно падать, взлетая. И пейзаж вокруг при этом совершенно не воспринимается обычным. Он чужд и нелогичен.

С глазами лучше не стало. По-прежнему мешали смотреть тонкие горизонтальные черточки неправильных очертаний. Я рассказал Анатолию Георгиевичу об этом безобразии и меня даже обследовали на каком-то сложном аппарате и капали в глаза специальные капли для расширения зрачков, но никаких нарушений не нашли. Окулист объяснил, – скорее всего, у меня после травмы в глазах какие-то там зрительные жгутики перепутались между собою, которые настолько тонкие, что их и в самый крутой прибор не рассмотреть и уж тем более – ничего с этим не поделать. Кроме как смириться и привыкнуть. Можно конечно в глаза что-то типа силикона или еще какой-то жидкости закачать, вместо того, что там сейчас есть...

Нет уж! Спасибо! Я и с отношением к другим силиконовым частям тела пока до конца не определился, а тут все-таки глаза...

Анатолий Георгиевич просил о подселенном Сычом в мою голову симбионте пока никому не говорить, даже товарищам. Он там еще чего-то исследует. Мол, хватит и того, что о нем знаем мы трое – я, он, и полковник. Полковник, – это я так понимаю, Виктор Васильевич. Я обещал не распространяться. Кому оно надо?

На шестой день мне сняли повязку с головы. По всем понятиям – очень быстро. Я не переставал удивляться насколько далеко, оказывается, шагнула современная медицинская наука. По крайней мере, в сложной нейрохирургии. С глазами-то, у нее полный конфуз...

Пока я бездельничал, несколько раз приходили ребята. Как правило, все вместе. Я думал, что нахожусь в какой-то больнице. Из окна была видна только плотная стена деревьев старого парка. Ни дорожек, ничего. Почему я подумал о парке, не знаю. Возможно, это лес?

Товарищи просветили: никакой это не лес и не парк. Это закрытая территория, типа военного пансионата. С самодостаточной инфраструктурой, даже магазин есть.

– И охраны не меряно! – поделился своими наблюдениями Макс. – Правда, ее еще надо суметь увидеть! И дофига же их тут! Словно не пансионат сторожат, а как минимум ракетную шахту!

Как я понимаю, – от его наметанного глаза, специалистам – охранникам надежно спрятаться не получилось.

Срок моей реабилитации уже подходил к концу. Практически все зажило и никаких проблем со здоровьем не наблюдалось, за исключением пронзительной, но слава богу, редко беспокоящей головной боли.

Как-то однажды ко мне пришел Миша. Один, без привычной группы поддержки.

– Как ты? – поинтересовался он, ставя на тумбочку пакет

мангового сока и всматриваясь в мое лицо.

– Уже лучше! – заверил я, садясь на кровати и с удивлением замечая перемены в его наружности. – Ты зачем так коротко подстригся?

– А, это? Просто длинные мешают, – он провел пятерней по короткому ежику волос. Явно под насадку обкорнали. – Я тут русбоем стал заниматься...

– Ого! – удивился я. Не ожидал такого решения от матерого компьютерного задрота. – И как успехи?

– Пока, слабовато! – сконфуженно признался он. – Но инструктор Дмитрий Константинович говорит, – во мне есть неплохой потенциал! Да мне и самому интересно! Никогда бы не подумал, насколько связаны развитие тела и координация мышечных усилий с увеличением производительности мозга, да и просто хорошим настроением!

Он присел на стоящий рядом с кроватью стул.

– Я чего пришел-то... – он снова пытливо посмотрел мне в глаза, а я увидел, как тускнеет свет в комнате и его изображение постепенно пропадает. – Ты ничего необычного не заметил? Ну, в окружающем мире, или в том, как ты его видишь? Может быть...

И тут мне внезапно реально поплохело, – вместо его лица фейерверки взрываться начали, а в ушах такой звон прорезался, что казалось, барабанные перепонки не выдержат и лопнут.

– Погоди, – попросил я, не слыша своего голоса. – При-

лягу. Плохо мне что-то...

Миша помог мне упасть на кровать и, всколыхнув воздух, куда-то умчался. Наверное, за врачами.

Боли в моей многострадальной голове надоело сидеть сжатой до размеров иглы. И она, похоже, решила занять весь доступный объем черепной коробки. И моих челюстей походу тоже, потому как в них дико заныли все зубы, в том числе и два давным-давно вырванных зуба мудрости.

Я отчетливо ощущал, как она разворачивается, ветвится в голове и растет, постепенно расползаясь и вызывая нестерпимую ноющую чесотку. Хотя это не совсем точное определение. У меня почему-то возникло видение желтовато – молочного молодого цветка, чем-то похожего на лилию, который пустил свои тончайшие полупрозрачные корешки в моем мозгу подо лбом, сразу за глазами, и усиленно осваивает новое жилище, – костяной горшок моей головы. И еще мне показалось, – он вполне доволен выделенным ему сосудом.

А я был очень недоволен присутствием там непонятной дряни, укореняющейся и обживающейся без моего согласия. Даже такой прекрасной дряни, больше похожей на лотос божественной красоты. Ясно, конечно, что это подселенный мне Сычом симбионт, точнее его остатки, так и не изученные, и не извлеченные до конца Анатолием Георгиевичем. И это он растет там и ворочается, разветвляя тоненькие болезненные щупальца, вовремя не обрубленные ангелом – хирургом, опоздавшим со своим огненным двуручным скаль-

пелем. Но от понимания этого, мне совершенно не становилось легче! Все равно, – я теперь неполноценный! Полузомби, с настоящим паразитом в голове, причем вполне живым, а не виртуальным, придуманным юным сказочником Ботаном!

По мне, так лучше сдохнуть, чем стать питательной средой для всякой неизвестной заразы! Где там что-нибудь острое или тяжелое, чем можно быстренько самоубиться? А-а-а!

Стоп-стоять, лошарики! Суицид – не наш метод! Оставляю его для плана «Б». А сейчас, самое время попробовать план «А»!

Не знаю, как объяснить то усилие, которое я в порыве отчаянной ненависти к Сычу и предсмертной жалости к себе смог создать в превращающихся в кашу мозгах, и как вообще смог это сделать. Мне показалось, от вибрирующего внутреннего напряжения сейчас вскипит не только кровь и серое вещество в мозгу, но и сама голова лопнет, словно перекачанная шина!

И вдруг, я почувствовал, – расстроенный до невозможности симбионт в панике вбирает свои загребущие корешки обратно и скукоживается до размеров свежевылупившегося тюльпанчика. И при этом ему до невозможности страшно! Не смотря на всю невероятность ситуации, я почему-то не очень-то и удивился внезапно пришедшему пониманию эмоций этого внедренного в мою голову существа.

То-то же, глист! Не лезь, куда не просят, паразит гадский! – подумал я специально для него и почувствовал, как симбионт испуганно сжался еще больше. Понимает он меня что ли?

Неожиданно в ответ, в голове расцвело и исчезло чувство непреднамеренной вины и легкое ласковое непередаваемое словами дуновение в мозгу в качестве извинения. А затем тихо прошелестели слова: «Умоляю! Не говори никому обо мне! Кроме меня тебе никто не поможет!»

Блин! Ну, ничего ж себе! А-а-а! Все! Песец! Оно еще и говорит!!!

«А ты можешь помочь мне!» – прошелестело просительно.

«Сгинь, шиза подлая!»

«Я не Шиза!» – обиделся симбионт. – «Я...»

Послать его еще раз я не успел, – в палату набежала толпа народа и тот испуганно притих.

– Ваня! Ну нельзя же так! – облегченно выдохнул Анатолий Георгиевич, как только я открыл глаза. – Приборы воют как сумасшедшие! Ты почти не дышишь! Аллес! Пятнадцать минут клиники! Я думал уже все – стопроцентно вперед ногами!

Не смотря на его не показное беспокойство, чувствовал я себя довольно сносно. Ни голова не болела, ни свежий шрам в месте сползшего лоскута кожи на щеке не дергало. И вообще, почему-то я оказался выпавшимся и бодрым. Пятна-

дцать минут клинической смерти? Походу не зря говорят – на том свете отоспимся...

– Как ты? – поинтересовался хмурый Виктор Васильевич, а мне стало интересно – они всегда теперь будут вместе за мной присматривать? И вообще – за попытку помочь мне, конечно, спасибо! А дальше-то что? Подопытного кролика на постоянной основе в его ведомстве из меня сделают, или как?

– Могло бы быть и хуже! – ответил я, улыбаясь, не решив пока, стоит ли возмущаться раньше времени. Помочь люди хотели, все-таки. – Все нормально!

С одной стороны, им вроде бы и не нужно знать ничего о том, что мой симбионт жив. А с другой... А с другой – оно им надо? Хотя...

Судя по Сычу, надо бы. Явное вмешательство третьей стороны налицо. Биоконтроллер этот...

Другое дело, – никаких доказательств я им предоставить не смогу. Плюнуть на просьбу симбионта и передать им его слова? Так меня тогда совершенно другими лекарствами кормить начнут. И удобную пижаму на смирительную рубашку заменят. А симбионта того, если только вместе с моими мозгами вытащат. По-другому у них не получится. Пробовали уже. Нет уж! Как известно – торопись не поспешая!

А вот с Ботаном переговорить стоит, наверное, и побыстрее! Есть у меня подозрение насчет всех этих черточек, плавающих в глазах. И сейчас они на Виктора Васильевича

ча смотреть мешают. Видел я уже такое. Вспомнил. В компьютере у Степаныча в гараже. Когда за Колиным персонажем наблюдал, при якобы изгнании из него игрового демона. Только потом, наедине с ним надо встретиться. Не хочу я раньше времени светить свое знание, особенно помня бегущую строку перед глазами в гараже: «Чекистов, бывших не бывает!» А то, какому ведомству принадлежит этот закрытый пансионат, по-моему, сомнений быть не может.

– Ты в состоянии пройти несколько обследований? – поинтересовался Анатолий Георгиевич, обнадеженный моей улыбающейся физиономией. – ЭКГ, томографию и еще кое-чего по мелочи?

– Без проблем! – заверил я, сделав вид, что пытаюсь подняться с кровати, чего мне не позволяли сделать множество всяких проводков и трубочек. Мне они больше не нужны. Я это уже точно знал. Симбионт только что нерешительно шевельнулся и робко подсказал. И я ему почему-то безоговорочно поверил. Даже мысль промелькнула – вдруг и я теперь благодаря ему каким-нибудь марвеловским супергеро-ем стану? Тьфу, конечно! Три раза! Нафиг!

Хорошо. Лекарства не нужны, а что тогда? Ага! Требуется свежий воздух в большом количестве, небольшие физические нагрузки для начала, и сбалансированное питание. Что я буду делать дальше для скорейшего восстановления, или, наверное, теперь уже мы, он пообещал открыть позже. Быстро развивается и обучается, зараза! Ладно, не обижайся!

Я не стал противиться его плану, высказанному довольно категоричным тоном, потому что и сам давно хотел заняться спортом, лишний жирок с боков и живота согнать, только все откладывал идя на поводу у Лени, которая, как говорила моя бабушка, раньше меня родилась.

– Подожди! – удержал меня на месте Анатолий Георгиевич. – Тебе пока нельзя вставать!

– Мне надо прогуляться! – твердым тоном сообщил ему свое решение я. – Почему нельзя? Чувствую себя хорошо! Ничего не болит! Давайте я прямо сейчас пройду все обследования, а? Честно сказать, все бока уже отлежал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.